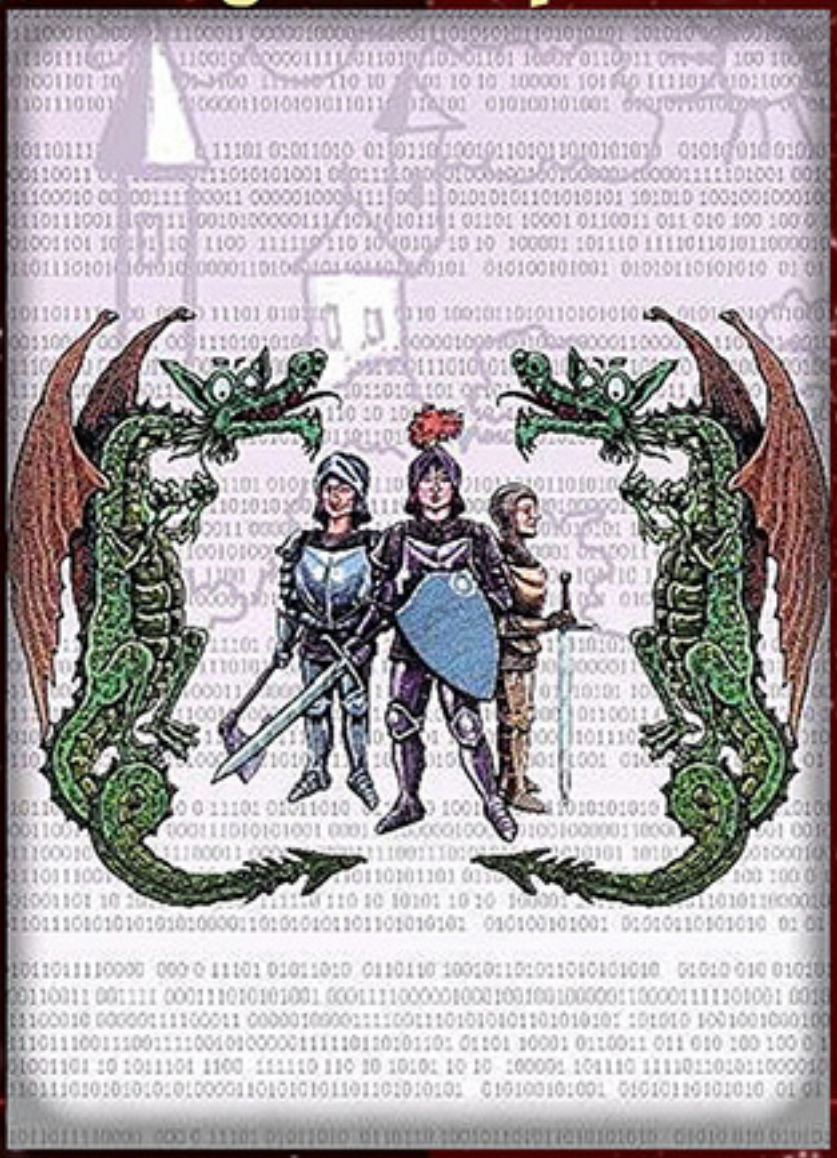
Сергей ТРИЩЕНКО

Фальшивые лабиринты



@ЭЛИТА

12+

Сергей Трищенко

Фальшивые лабиринты

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Трищенко С.

Фальшивые лабиринты / С. Трищенко — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Молодой программист неожиданно осознаёт себя рыцарем внутри компьютерной программы, куда поместила его, отсканировав фотографию, влюблённая девушка.И теперь он должен спасти похищенную драконом принцессу.Вместе с двумя друзьями он отправляется на поиски. Компьютерное пространство – в точности как наше, и лишь присмотревшись, можно увидеть пляшущие в костре псевдосимволы…Приключений на долю героев выпадает немало – как реальных и сказочных, так и компьютерных. Тут и встреча с бабой-ягой, и блуждания по игровым программам, раскаявшийся колдун и томящиеся в темнице узники. Герои попадают в плен к циклопу, но спасаются благодаря мотопиле «Дружба». Они ночуют среди алмазных булыжников и пересекают пустыню золотого песка, косят доллары косой и сражаются с гигантскими бифштексами, попадают в пыльный лес и превращаются в кентавров…Герой, осознав себя компьютерным персонажем, пытается сопротивляться, проявляет самостоятельность, старается выйти из-под контроля.

© Трищенко С., 2013
© Электронное издательство "Аэлита", 2013

Содержание

Часть 1 6
Пролог 6
Вступление 10
Принцесса 11
Королевские разборки 14
Попутные лабиринты 17
В оружейной 19
В дороге 24
Петля дракона 30
Встреча с медведем 33
В избушке у старушки 35
Под дождём 47
В замке 50
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Сергей Трищенко
Фальшивые лабиринты

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1
Фальшивые лабиринты

Пролог

Я открыл глаза. Простенькое движение далось с невероятным трудом и потребовало длительной подготовки – в сознание я пришёл довольно давно, а глаза открыть не мог. Будто слон наступил на веки и никак не хотел уходить. Маленький, тонн на пять. Или на шесть. А я долго пытался столкнуть его ресницами. И, наконец, удалось: слон упал. Или ушёл.

Где я? Дурацкий вопрос. Особенно если он риторический. Задавать их в трезвом состоянии не следует. Выходит, я пьян? Это неплохо: протрезвею – и всё исчезнет. То есть появится, исчезать-то больше нечему.

Пустота вокруг. Белая сверкающая пустота. Белое безмолвие. Снег? Но не холодно, а жарко. Значит, не снег.

Пытаюсь повернуть голову влево, вправо. Не получается. Рукой шевельнуть – тоже нет. Ногой… бесполезно. Можно было и не пытаться: нога тяжёлее руки.

Ладно. Главное – не паниковать. Сейчас разберёмся. Вернёмся к существующему положению: лежу. Глаза открыты? Открыты. Что они видят? А ничего не видят: белое небо. Или… потолок? Если потолок, значит, больница, палата. Лежал бы в операционной, видел бы врачей или лампы.

Значит, палата. И лежу я, похоже, в гипсе, потому не могу шевельнуться.

Я скосил глаза. Налево, потом направо. Так и есть: белое пространство в обе стороны. Простыни? Вот только слишком далеко они простираются, до самого горизонта. Да и не ткань подо мной, какая-то зернистая поверхность. Снег, или… песок. Песок? Белый песок пустыни… Да нет, там белое солнце, а не песок. Белый песок солнца…

Я посмотрел в зенит. И там белое. Облака? Вопрос-загадка: сверху белое, снизу белое… где я? Ответ: в сметане. И я – муха. Весело, но не слишком.

А кто же я? Ну-ка, проверим: Сергей Леонидов, двадцати пяти лет, холост… К счастью. Работаю на кафедре… Да! Информатики и математики, вот чего. Кафедра ИМ. Или ИиМ.

Ну и что? Как из этого вывести моё местонахождение? Подключить профессиональные знания? Топология вмещающей меня поверхности… Тьфу! Бред несу. Но хоть соображаю, что бред. Уже неплохо.

Какая тут топология! Плоскость, ровная плоскость. Икс равен нулю. И игрек равен нулю. Всё равно нулю. И сам я равен нулю. Нет меня здесь. И не может быть. И того, что я вижу, не может быть.

Может, я всё же перебрал? Послепьяночный синдром. Перебрал и прикорнул на кухне, упираясь лбом в газовую плиту. Оттуда и жар. Строго по анекдоту: говорят лежащему пьянице «Садитесь!», а он отвечает: «Ничего, я постою».

Да нет, я трезв. Как стеклышко. Как препараторское стеклышко гигантского микроскопа, под которым лежу…

Это фигурально, разумеется: ни под чем я не лежу, ничто меня не давит, разве тяжёлые мысли. Но это фигурально.

Где же я?

Спрашивать не у кого: вокруг никого. Никого и ничего.

Может, я в пустыне? Долго шёл, упал, тепловой удар – отшибло память. Очнулся – гипс.

Я снова скосил глаза. В чём я хоть одет? Подходящая одежда для пустыни? Свитер… мой любимый, тёмно-вишнёвый, с рисунком. А что в пустыне носят? Какая там мода, ватные халаты?

В небе появилась чёрная точка. Та-ак! Вот и стервятники появились. А я лежу в неподвижности – идеальный объект для питания. Может, я вообще труп?

Я принюхался. Вроде не смердит. Зато нос работает, дышит. Но ничего не чует. А рот?

Я попробовал закричать, но попытка оказалась безуспешной: звуки не выходили наружу. Они опадали в грудную клетку и скапливались мешающим глотать комком.

Может, меня укусил скорпион? Или паук-фаланга? Отсюда и паралич.

Точка вверху приближалась, увеличиваясь. Какая-то она странная… На стервятника не похожа. И на стерву – тоже. Чёрт, и в таких условиях я пытаюсь шутить. Правда, шуточки плоские, как окружающая поверхность. Это она влияет: бытие определяет сознание. Вернее, фрактальность бытия определяет фрактальность сознания. Кандидатский минимум я по философии недавно сдал, вот что. Поэтому в мозгах – идеалистико-материалистическая каша.

Да это же… летающая тарелка!

Тогда уж летающая вилка. Двузубая.

Вилка подлетает ближе и трансформируется в конус, нацеливается на меня, зависает, опускается… Есть контакт. Куда?! Брысь!

Я захихикал. Прикосновения оказались очень щекотными: тонкое острие пробежалось от шеи по плечам, рукам, залезло подмышки… Я захохотал в полный голос, попутно обрадовавшись, что дар речи не потерян, или восстановился. Но двигаться я не мог по-прежнему.

– Эй, вы, прекратите! – заорал я, когда наконечник принялся безобразничать где-то внизу, – ах, вы!..

Я добавил пару ругательств, чтобы разрядиться хотя бы таким образом. Это же надо – так издеваться над человеком!

– А ну, пошли…! – завопил я изо всех сил, с указанием, куда.

Конус исчез.

Я выпучил глаза. Смотри, послушались. Вот, оказывается, как надо: я послал, они пошли… Понимающие гуманоиды. А дальше?

Что-то мелькнуло перед глазами. И стало немного жарче.

Я скосил глаза. Свитер исчез. Теперь я лежал в клетчатой рубашке. Миг – исчезла и она. Меня раздевали на расстоянии. Теперь поверю в истории о зловредных пришельцах!

Прощально мелькнула майка, и я остался лежать абсолютно голый. Изверги! Сейчас кожу сдирать начнут: больше снимать нечего. Оказывается, я действительно лежу на огромном препараторском столе… или препарационном? Да какая разница!

Как же они меня похитили? И когда? Почему ничего не помню? Отключили память?

В небесах вновь что-то замаячило. Я напрягся. Сейчас что-то начнется…

Предмет подплывал ко мне, увеличиваясь в размерах, и я увидел, что это… громадная кисть. Беличья. Или колонковая. Когда-то я в них что-то соображал. Или данное устройство просто похоже на кисть?

Кисть, кисть… Где-то я подобную видел. Где? Во сне, в кино, на экране… телевизора?

Кисть подлетела ко мне, прикоснулась – мне показалось, я ощутил холодок прикосновения – и я увидел, что становлюсь изумрудно-зелёным. Вот те на! «Зелёные человечки» в своего перекрашивают?

«Кисть» продолжала порхать вокруг, как бы в нерешительности. Потом снова прикоснулась. И я стал ярко-красным. Алым. «Не стыдись, ты, пьяница, носа своего, он ведь с красным знаменем цвета одного…» ещё одно касание и я – негр. Как ночь, как вакса, как гуталин.

Блин! Я почувствовал, что ледяной ужас начинает охватывать меня. Спокойно, спокойно. Это всего-навсего предположение, этого не может быть! Гнусное предположение, не спорю. Но вполне вероятное.

Кажется, начинаю понимать, где я. Память возвращается. Но как попал сюда?

Холодок догадки, возникший на затылке, продолжал ползти по телу: проник в сердце, спустился под ложечку, заморозив желудок… и ушёл холодить пятки. Душа в пятки ушла? Настолько холодная?

Помню, трепался о прошедшей воскресной рыбалке… Только развёл руки – показать, какую якобы поймал рыбу – как Димка Костин щелкнул «Поляроидом». И я оказался здесь.

Может, он – инопланетянин? Читал я недавно одну книжонку, там детей с помощью фотоаппарата воровали… то есть снимали копии. Может, и меня так? Если наша техника далеко вперёд ушла, что говорить об инопланетной?

Но при чем тогда кисть, такая знакомая, и это перекрашивание… Ах, ты!..

Буря чувств разом забушевала во мне.

Я понял, где нахожусь!

И что с того, что я понял?

Вика! Это её работа. Что она натворила! И я – уже не я. Меня нет. Вернее, я есть, но…

Я – внутри графического редактора. Что она предпочитает? Corel Photo paint, Photoshop, Paintbrush? Впрочем, неважно.

Что она натворила!

Что? Элементарно: взяла мою фотографию – ту самую, с разведёнными руками, – засунула в сканер, превратила изображение в графический файл… и теперь издевается, как хочет. И я ничего не могу поделать. Я лишён возможности двигаться.

Самое странное: как я вообще соображаю? Почему ощущаю себя человеком? Хотя… что мы знаем о фотографии? Некоторые первобытные племена до сих пор верят, что «белый человек» фотоаппаратом похищает душу. Да и староверы не хотят фотографироваться… Может, они не так и неправы?

Я принялся вспоминать всё, что знал о фотографиях, душах и сканерах, пока Вика продолжала издеваться надо мной.

О, теперь я оказался в полной её власти! Как она, должно быть, торжествует! Садистка скрытая. Правильно я отшил её. А то было бы то же, но – наяву. Но я и сейчас наяву… И только мысль, что я – не настоящий, а компьютерный, немного помогала. Правда, слабо. Ощущения-то шли вполне реальные. Приходилось стискивать зубы и терпеть.

Нет, Вика вообще неплохая девчонка… зря только возомнила, что я обязан в неё влюбиться. Влюбилась сама, мучайся в одиночку, зачем же вдвоем?

А теперь я вынужден на своей шкуре прочувствовать всё, на что способна влюблён ная женщина. И, главное, я абсолютно беспомощен. В реальной жизни ещё можно уйти, скрыться… её послать, в конце концов. Нет, она неплохая девчонка – повторю, но… На лице, правда, черти горох молотили. Конечно, с лица воду не пить, и всё же… Вдруг придётся? За неимением другой тары.

Главное, он там, то есть я там – и не подозревает, что я здесь. Не знает, что я мучаюсь и страдаю – и физически и морально. А если пока не слишком, то скоро начну по полной программе. По той, какую напишет Вика.

Вика – хороший программист. Замечательный. Что называется, от Бога… или наоборот.

С компьютером Вика творила чудеса. Я сам восторгался её оживающими заставками, не говоря о более серьёзных вещах, понять и оценить которые может только истинный программер.

А теперь мне придётся в полной мере ощутить на себе мощь Викиного таланта. Пусть не мне, а моему электронному двойнику…

Стоп-стоп-стоп. Что-то я перезаразмышлялся. Кто двойник, а кто – оригинал? От осознания того, что я являюсь электронной копией живого человека, существующей где-то в виртуальной реальности, занимающей энное количество ячеек оперативной памяти, я не перестаю ощущать себя самим собой, то есть Сергеем Леонидовым, двадцати пяти лет… ну, и так далее. У меня полностью сохранились моя память, мои ощущения – я потрогал языком недавно сломанный зуб: неудачно разгрызал орех, – мои привычки и знания…

Вика между тем продолжала меланхолично издеваться надо мной: сделала серым в яблоках и принялась методично заштриховывать. Как бы подчеркивая, что я – серость. Но это её личная точка зрения, иногда озвучиваемая. Зачем тогда влюблялась? Облагородить захотела? Вот теперь и облагородит: сделает таким, как хочет.

«Ну, хорошо, – размышлял я, – поиздевается она надо мной, а потом? Сотрёт файл – и поминай, как звали? Был я – и не стало. Весёленькая перспективка… Может, следовало больше обращать на неё внимания? Или, наоборот, меньше? Но куда же меньше?!»

Я вздохнул. Что можно сделать в моей ситуации? Пошевелиться нет возможности. Кричать? Не докричишься: нет в графических редакторах звуковых вставок. Это не Word и не Power Point.

Вика что-то решила: я с удовлетворением заметил, что серый цвет исчез. Уже радует. Но с телом начали происходить удивительные вещи. Сначала её стараниями я превратился в какого-то урода – я это понял по судорожным перекашиваниям лица, строящим гримасу за гримасой.

Да и тело трансформировалось: ноги то вытягивались, превращаясь в длиннющие ходули, то сжимались, пародируя Чебурашку.

Но потом Вика занялась любимым занятием: стала лепить из меня сказочного принца, свой идеал. Она, бывало, на любом свободном листке этих принцев рисовала, в плаще и со шпагой.

Я почувствовал, что плечи у меня раздвигаются на невероятную ширину – и сразу вспомнил поговорку «косая сажень в плечах». Мышцы разрастались, словно у патентованного культуриста. Куда там Арнольду Шварценеггеру! Пусть отдохнет, малыш.

Потом она перешла ниже… Если бы я мог покраснеть, то покраснел бы с удовольствием – может, полегчало бы. Во всяком случае, кровь бы прилила к лицу, отливая от…

Что ты делаешь – я ходить не смогу! Я же буду спотыкаться на каждом шагу! С тележкой ходить придётся, для перевозки кислородных баллонов! Остановите эту сексуальную маньячку!

Ф-фу! Наконец её вразумило. Она просто развлекалась, мечтала. А теперь образумилась. Правда, на мой взгляд, дала крен в другую сторону… Тьфу! Ладно, потом разберёмся.

Вступление

Вика задумалась. Что бы ему ещё пририсовать? Крылья, как у эльфов? Или рога, как у дьявола? Нет, пожалуй, хватит. Практически идеальный вариант. Вот если бы он выглядел таким на самом деле! Да был бы послушным… каким будет по программе.

Теперь его надо одеть! Как же одевались рыцари? Перчатки, латы, шлем, забрало… Ах, нет, это потом, а под латы? Кружевное жабо, атласная курточка, бархатные штанишки… А теперь можно и латы. Что ещё?

Вика подумала немного и пририсовала на поясе длинный меч, украшенный бриллиантами.

Вроде всё. А теперь – основное. Или главное?

Вика вздохнула, последний раз оглядела фигурку Сергея на рабочем столе и щелкнула мышкой на кнопке «Анимация».

Фигурка задвигалась, забегала по листу и затрясла сжатыми кулачками.

«Интересная программа!» – подумала Вика. Сюда она не влезала, целиком полагаясь на создателей аниматора. Она с удовольствием брала готовые блоки чужих программ, когда было лень разрабатывать собственные. Зачем изобретать велосипед, если имеется готовый?

Принцесса

Боже мой, во что она меня вырядила? Кружавчики, панталончики… И это – под боевые латы? А вспотею, что делать? Атлас плохо впитывает влагу. Сукно, сукно – вот боевая одежда! чёрт, где достать нормальные шмотки? И ведь не слышит, не видит, не соображает. Сколько ни бегай, ни тряси кулаками – тупо смотрит и думает о чём-то. Откуда у современных девчонок жуткая тяга к средним векам? Рыцари, дамы, турниры… И в фэнтезях этих – будущее описывают, а всё одно: мечи, кинжалы, шпаги, копья. Надёжнее, что ли? Без электроники, без отсыревающего пороха.

Меч дурацкий. Побрякушек сколько на рукояти – того и гляди, алмазами руку исцарапаешь. Надо его выкинуть, или выковырять камушки, чтоб не мешали.

Тьма окутала меня и долго-долго не хотела размываться. Светились одни бриллианты, но в их бледном свете я не мог видеть дальше носа, а он у меня, не в пример Викиному, короткий.

Я в буфере обмена, скорее всего. Куда она хочет меня сунуть? А с мечом в темноте себя уверенней чувствуешь. Надёжнее. Не один – вдвоём.

Погоди! Может, она ещё и золотую корону нарисовала? Возилась чего-то с головой…

Я пощупал рукой. Так и есть!

Я содрал корону с головы и зашвырнул в темноту. Хорошо хоть гвоздиком не прибила.

Яркий солнечный свет ударил по глазам. Я зажмурился и закрылся свободной рукой, продолжая сжимать меч правой.

– Рыцарь, что с Вами? – услышал я мелодичный голосок. – Вам плохо?

Отняв руку от глаз, но продолжая щуриться, я повернул голову на звук, пытаясь что-нибудь рассмотреть.

Прекрасная принцесса стояла рядом со мной, и в её лице лишь отдаленно улавливались отдельные Викины черты.

Ни единой веснушечки на аккуратных розовых щёчках. Лилейно-белое личико обрамляют чёрные брови. Под ними глубокими озёрами распахиваются большие-пребольшие васильковые глаза. Маленький аккуратный носик венчает красные коралловые губки. Белокурые локоны, перехваченные ажурным золотым обручем, спадают ниже плеч. А в центре обруча сверкает огромная алмазная диадема.

Платье – или как назвать это пышное одеяние: мантия, мантилья? (я не специалист от кутюр) – до пят, тоже усыпано сверкающими бриллиантами. Не принцесса, а алмазная буровая коронка! Правда, коронки делают из технических алмазов, а они тёмные и не блестят, но по сути! Пуда два на ней бриллиантов, не менее.

– Нет, всё в порядке, принцесса, – галантно поклонился я, – просто слишком долго находился в буфере обмена, глаза привыкли к темноте, а тут – резкий свет…

– В буфере? В каком буфере? – переспросила Вика-принцесса, подходя ближе. – Вы были в плену?

– В каком плену? В буфере обмена графического редактора… или куда она меня спрятала?

– Кто, злая колдунья?

Я растерялся. Кто-то из нас двоих явственно косил под идиота. А может, это вовсе не Вика? Да вон её родинка на левой щеке! Родинку она оставила. Наверное, потому, что я кому-то из ребят как-то сказал, что родинка – единственное, что мне в ней нравится. Сознаюсь, грубо сказал, в сердцах, но что оставалось делать, довела она меня своими вздохами да полунамеками. Ну не нравилась мне Вика! И сейчас не нравится. Слишком кукольная красота. Пересластила Вика свою копию, пересластила. Чуть сироп со щёк не капает.

Но что она говорит? Она что, не соображает, что нарисована… м-м-м… А ведь не соображает.

Вика ведь не себя оживила в компьютере, а создала принцессу в своём обличье. Создала и вложила в неё определенную программу, в которой не оставила ни кусочка прежней жизни. Только короли, принцессы, балы, рыцари…

Меня слегка замутило. Но мысль о злой колдунье понравилась: хороший выход из сложившейся ситуации. Во всяком случае, из сиюминутной. Что, если подыграть?

– Да, принцесса, – я поклонился снова. – Злая колдунья Акив похитила меня далеко-далеко отсюда, когда я оторвался от свиты, охотясь за золоторогим оленем, в которого она превратилась. Она заманила меня сначала в дремучую чащу, а потом в болото, где мой конь завяз. Из-под воды вылетела тысяча крылатых демонов, которые окружили меня со всех сторон и захотели пленить, – я плёл, нимало не задумываясь над смыслом произносимых слов, заботясь лишь о складности, непротиворечивости повествования и плавности речи. – Но я отбился от всех, и если бы колдунья не наслала дремучие чары, от которых я моментально уснул, они ни за что не схватили бы меня…

Принцесса смотрела широко раскрытыми глазами, чуть меньше приоткрыв рот.

– Я дрался, как лев! – вскричал я и положил руку на эфес меча, сверкнув невыковыренными бриллиантами. – Убитые демоны валялись сотнями, болото стало сушей от их тел… а потом снова болотом, но уже кровавым, от вытекшей крови. Но злые чары паучьими тенетами охватили меня, и я не мог пошевелиться. Она схватила меня и заточила в темницу, – я понурил голову и едва не всхлипнул: так стало себя жалко. – Я просидел там три месяца, на хлебе и воде… – я прикусил было язык: такое тело, которым я владел сейчас, несомненно, можно получить только после строгой трехмесячной диеты из хлеба и воды. Правда, если хлеба дают вдоволь, то можно и поправиться… да и латы скрывают детали организма.

Но принцесса не замечала логических несоответствий в рассказе – для неё он звучал истинной музыкой, всё шло в такт исполняемой партитуры. Она смотрела на меня с таким восторгом, что я не обеспокоился необыкновенной лёгкостью, с какой вылетала из меня вся словесная чушь.

И продолжал, окрылённый вниманием принцессы:

– Колдунья хотела, чтобы я женился на ней… Но я отверг её безобразные притязания! И сегодня она разозлилась на меня и запустила в лицо волшебным фартуком. Он и перенёс меня сюда, – скромно добавил я. – Даже не знаю, как…

– Удивительная история, – произнесла принцесса. – А я гуляю тут… с мамками и няньками, – она указала на толпящихся в отдалении пёстро разодетых женщин. – Надоели они мне. Ни одного рыцаря рядом, такая скука.

– Ни одного? Досадное упущение, – заметил я.

– Да где их возьмешь? – посетовала принцесса.

– А если дракон прилетит? – в шутку предположил я. – Кто тогда защитит тебя, о принцесса?

– У нас о драконах давно никто не слышал, – отмахнулась она и вдруг побледнела, глядя мне за спину. – Ой!

Я обернулся.

Из-за дремучего леса, неспешно помахивая чёрными кожистыми крыльями, вылетал трёхглавый дракон. Изумрудно-зелёного цвета. Сочетание чёрного и зелёного показалось мне чрезвычайно вульгарным.

Мамки и няньки, завидев дракона, подняли дикий визг и кинулись врассыпную. Но дракон, разумеется, не обратил на них ни малейшего внимания. Его взор привлекла сверкающая новогодней ёлкой принцесса, и он устремился к ней.

«Одевалась бы нормально – проблем бы не было!» – подумал я, выхватывая меч.

По моему личному мнению, драконы, словно сороки, в первую очередь обращают внимание на блестящие вещи. Поэтому принцессы сами виноваты в том, что их воруют драконы. Ведь ни одной скромно одетой девушки ни один дракон не похитил. Во всяком случае сказок о таких случаях не встречалось.

Размышляя об этом, я выдвигался вперёд, заслоняя принцессу. Делал это я, скорее, по собственному желанию, а не повинуясь управляющей программе. Как бы там ни было, а женщин положено защищать. Особенно когда в руках меч.

Дракон приближался, рыская из стороны в сторону, словно отыскивая, в какую точку на моем теле лучше вцепиться. Принцесса спряталась за меня и тоже совершала какие-то телодвижения – должно быть, тряслась от страха. Я взмахнул мечом, дракон изрыгнул троекратное пламя, что-то толкнуло меня в грудь, ударило по голове – может, он зубами, как ядрами, стреляет?

Последнее, что я услышал, был душераздирающий вопль принцессы…

Королевские разборки

…Когда я поднялся, ни принцессы, ни дракона поблизости не оказалось, лишь на горизонте чернела быстро уменьшающаяся точка.

А по полю бежали свирепые стражники. Они грубо схватили меня, встряхнули и скрутили, мигом отобрав меч.

«Профессионалы, – подумал я, – дело знают…»

Поэтому решил не сопротивляться: себе дороже. Я ведь не знаю, насколько хорошо владею мечом – что «забила» Вика в мою программу? Пусть я в детстве немного фехтовал, но профессионально не занимался. Да и куда бежать, даже если раскидаю всех? За рамки экрана не вырвешься.

Но совсем остаться безучастным к своей судьбе я не мог, и потому пробормотал:

– За драконами бы лучше следили! Где вы были раньше?

– Это он! – завопили мамки и няньки. – Он заодно с драконом. Заговаривал принцессе зубы, а потом не стал её защищать!

– Что вы мелете! – рассердился я. – Я знать не знаю вашего дракона!

И тут я заметил странный отсвет в траве. Какие-то переливы, игра огней… Обрывки платья с бриллиантами?

Я нагнулся, преодолевая сопротивление отчаянно упирающихся стражников, и поднял из травы большой алмазный коготь с частью кости и обрывком кожи. Из разреза сочилась чёрная кровь.

– Видите! – воскликнул я. – Я ранил его мечом!

– Король, король! – зашумели вокруг, и я увидел приближающегося седенького старичка, которого поддерживали под руки дюжие воины.

– Где моя дочка? – прошамкал он.

«Какая дочка? – удивился я, но вслух не произнёс. – Тебе лет девяносто-сто, а ей – восемнадцать-двадцать».

Будто услышав мои слова, король принялся бурно молодеть: спина его распрямилась, седина исчезла, в походке появилась молодцеватость…

– Где моя дочь? – громогласно провозгласил он, отстраняя поддерживающих его слуг.

Никто не удивился метаморфозе, происшедшей с королем. Должно быть, такие превращения были в порядке вещей. Может, я был прав, рассказывая принцессе о злой колдунье? Только адресочком ошибся… А может, Вика поняла нелепость предыдущей ситуации и изменила внешность короля на ходу?

Едва промелькнула эта мысль, как король снова сгорбился, постарел и прошамкал:

– Где моя внучка?

«Ага, она опять поменяла сценарий! – догадался я. – Пытается логично обосновать разницу возрастов короля и принцессы. Видимо, королю предстоит сыграть немаловажную роль, и дряхлость его имеет особенное значение…»

– Какого чёрта? – произнёс король, вторично молодея. – Где моя дочь?

«В общем, она вполне может быть и дочерью, – лихорадочно зарассуждал я, – если даже ему девяносто, а ей двадцать. В семьдесят лет иные мужики ещё могут быть мужиками…»

Король, будто услышав мои рассуждения, приободрился.

– Где моя дочь? – повторил он. – Отвечайте!

– Ваше величество! – бросилась перед ним на колени старшая из мамок-нянек. – Не вели казнить, вели слово молвить!

– Говори! – милостиво кивнул король.

– Вот этот, – старшая мамка-нянка злобно покосилась на меня и ткнула в мою сторону острым пальцем (куда драконьему когтю! Палец намного острее) – работая на пару с драконом, похитил нашу принцессу!

– Отрубите ему голову! – сказал король. – А потом посадите в темницу.

– Ваше величество! – взмолился я. – Я бедный странствующий рыцарь (я не стал повторять байку, что рассказывал принцессе, посчитал, что король должен быть умнее), в болотах потерял коня, вышёл из леса и встретил принцессу. Я хотел попроситься на службу к Вашему величеству.

Король размышлял недолго – если размышлял вообще.

– Хорошо, – кивнул он, – всё равно кто-то должен идти выручать принцессу. И что нам проку, если он будет сидеть в темнице? Объест ещё – вон здоровенный какой… Пусть отправляется на поиски принцессы! – распорядился он. – И с ним, – король повернулся к стоящему за спиной угрюмому тёмнокожему верзиле, – отряд лучших воинов!

– Воины в разъездах, – пробурчал верзила, – посылать некого. Локальные конфликты…

– Ну, найдите кого-нибудь из свободной смены, – распорядился король.

Он совсем не выглядел убитым горем. Можно подумать, что принцесс у него – пруд пруди. А что, вполне возможно. Как у царя Соломона: тысяча жён – и столько же детей. Почему нет? Королевство богатое, не отощавшее… то есть не захудалое, принцессы родятся пачками – что ему потерять десяток-другой? А, с другой стороны, он уверен, что её спасут – вон сколько героев кругом, и каждый губы раскатал на полцарства, причитающееся за спасение…

Но я ошибся. Рыцари не устроили страшнейший гвалт, крича: «Я поеду! Я поеду!», не принялись выстраиваться в очередь и писать мелом номерки на ладонях… или на латах? – чтобы никто не сжульничал. Они даже не стали бросать жребий, чтобы выяснить, кому первому отправляться за принцессой. Стояли и смотрели молча.

Неужели принцессы здесь не котируются? Или рыцари настолько дисциплинированы, что без санкции короля – никуда? Ни в огонь, ни в воду? Хотя где гарантия, что прикажи король – и кинутся? Это собаки своё дело знают и поднимают лай без приказа, а подчинённым обязательно нужно согласование с начальством.

Зато мне согласования не нужно. И принцесса не нужна. Зачем плясать под Викину дудку? Я же прекрасно понимаю, что таков сценарий: похитили принцессу, я иду её выручать, потом женюсь…

Меня замутило. Но не блевать же королю под ноги? И я сдержался: рыцарь я или не рыцарь?

«А идти придётся, – подумал я, – особенно теперь. Или в темницу, или за принцессой… Выбора нет. Эх, Вика…»

Я-то и собирался устроиться к королю на службу – а куда деваться в случившихся обстоятельствах? Быть вырванным из своей реальности и попасть в иную… Кем я мог здесь стать? Придворным математиком? Звездочётом? Механиком? Или школу для детишек открыть – и учителем? Нет уж: если меня сделали рыцарем, надо им оставаться. А рыцари всегда нанимались к королям на службу, испокон веков.

Идти выручать Вику… Только в её бредовом сознании могла созреть эта мысль! Так подкузьмить! И, главное, никуда не денешься… или денешься? Можно ли изменить программу изнутри? Если бы я мог увидеть листинг! А как осуществить управляющее воздействие? Как понять, что чему соответствует? Ведь всё окружающее – всего-навсего набор символов, операторов, команд. Где найти exe-файл? Изменить что-нибудь… Может, нарвать травы?

Ладно, в другой раз. Сейчас могут неверно понять падение на колени. Подумают, выпрашиваю что. Изменить программу попробуем позже, а пока придётся выполнять чужую волю.

Идти выручать Вику! Хотя какая она Вика, когда ничего не знает про буфер обмена? Вика основательно поработала над принцессой, стерев всякие упоминания о собственной лич-

ности. То есть получается, что принцесса – не Вика. А это меняет дело. Вику бы я выручать не пошёл. Да-да, вот именно! Спасёшь её, а она в меня влюбится… ещё раз. А интересно: если она влюбилась в меня в реальном мире, а я её спасу здесь, то что получится: влюблённость в квадрате? Или минус на минус даст плюс? То есть Вика избавится от влюблённости? И где, здесь или в реале?

Но это лишь в том случае, если влюблённость была отрицательной. А если нет? Плюс на плюс – он плюсом и останется.

Я было начал выводить уравнение влюблённости, но вовремя спохватился: король-то ждёт! Откашлявшись, я промолвил, поднимая алмазный драконий коготь:

– Ваше величество! Мы пойдем по кровавым следам! Я убью дракона и освобожу принцессу!

– Вот речь, достойная настоящего рыцаря! – провозгласил король и добавил, понизив голос: – Надо было убить его сразу. Не пришлось бы никуда идти…

«Соображает! – восхитился я. – Не дурак. А внешне и не скажешь…» А вслух произнёс, пытаясь оправдаться:

– Оружие неподходящее: копья у меня нет. Обычно я прикалываю хвост дракона к земле, а затем добиваю мечом. И коня нет. А дракон высокий, не дотянешься. Поэтому он сбил меня с ног и унёс принцессу. Он не хотел сражаться. Это трусливый дракон, я с ним легко справлюсь.

– Тебе дадут и коня и всё необходимое. Проводите его к оружейнику, – распорядился король.

Меня повели. Уже не как пленника, но и не как героя, пусть и будущего. Но меч вернули.

– Всё необходимое… Откуда я знаю, что необходимо? – бурчал я, двигаясь вслед за вооружёнными воинами, изредка бросающими на меня косые взгляды. А может, они ведут меня в темницу, по собственной инициативе? Но король ведь ясно сказал: к оружейнику! Значит, надо экипироваться. Что является необходимым атрибутом борца с драконом? Копьё и меч? Моим декоративным мечом дракону только когти стричь. Нужен другой – подлиннее, потяжёлее. А копьё…

Я с тоской подумал о том, что Вика могла бы предусмотреть на этот случай что-нибудь из арсенала DOOM'а, потому что тыкать в дракона копьецом, когда он будет держать тебя на расстоянии, изрыгая пламя… Плохо, что она не любит «думоподобных» игр и не знает их возможностей.

Я представил, как мои латы медленно накаляются… Нет, я понимаю, какое-то время они продержатся, но потом? И, главное, мало исходных данных! Какова длина языков пламени, изрыгаемых драконом? Их температура? Без учёта расстояния, на которое дракон может метать пламя, невозможно вычислить безопасную длину копья! А чему равна теплоёмкость лат? Сколько времени они выдержат? Латы я предпочёл бы с огнеупорным покрытием. Или с асбестовым подбоем, на худой конец. Да нет, чесаться будет… и асбест, говорят, канцероген. Тогда керамические. И зазеркалить их – пусть отражают лишнее тепло. Водяное охлаждение поставить, вентиляторы…

Я шёл и предавался мечтам, пока меня сопровождали (конвоировали?) к оружейнику, который должен… ну, если он настоящий мастер, ему не надо говорить, что должен делать.

Оружейник для рыцаря – всегда полезное знакомство, так что можно сказать, что за первой неудачей меня ожидает небольшая удача.

Попутные лабиринты

Меня вели прямиком через луг, к аккуратно подстриженной параллелепипедом зелёной изгороди, из-за которой виднелись ветви плодовых деревьев, украшенные разноцветными фруктами.

За изгородью начиналась дорожка, выложенная жёлтым кирпичом. Она извилисто повела нас между купами деревьев и кустарников, усыпанных красными, розовыми, чёрными и зелёными ягодами, поворачивая то под прямыми углами, то под острыми, то под тупыми. Дорожка пересекалась другими такими же, раздваивалась, троилась, учетверялась, образуя небольшие площадки. Часть дорожек сопровождала нашу, другие сворачивали в сторону, уходили сквозь густые зелёные изгороди на соседние участки сада-огорода.

Да, и огорода, потому что через проходы порой виднелись ровные грядки овощных культур.

«Дворцовое хозяйство, – подумал я. – Обеспечивает обитателей свежими фруктами и овощами».

У меня возникло ощущение, что мы идём через огромный зелёный лабиринт. Второй лабиринт образовывала система дорожек – они уже начали ветвиться, теряя прямолинейность.

На обширной лужайке, величиной с несколько футбольных полей, дорожки свивались жёлтыми спиралями, заканчивались тупиками, расходились, петляли – разве что не уходили вглубь и не поднимались ввысь. Но могли бы: топология программы позволяла.

«Интересно, – подумал я, – а есть ли у них настоящее футбольное поле? Вот если бы не идти на поиски принцессы, я организовал бы парочку футбольных команд, и мы бы такие соревнования устроили!..»

Незнакомый с системой дорожек человек – вроде меня, например – мог бы заблудиться, но стражники шли уверенно. Обычно в подобных случаях сопровождаемые плохо запоминают дорогу – считают, что в этом нет необходимости, надеются на провожатых. Но я на всякий случай запоминал. Автоматически. У меня математический склад ума: сознание работало самопроизвольно. Хотя, признаться честно, если бы я знал, куда идти, не обращал бы внимания на дорожки и лабиринты, а чесанул бы напрямик, через кусты!

Система изгородей и дорожек не могла быть очень сложной: лабиринт-то плоский. Но я почему-то не мог её понять. Мне хотелось подняться над лабиринтом. Но и без того стало ясно, что система дорожек не связана с системой изгородей: некоторые дорожки утыкались в стены, а сквозь некоторые проходы не проходили дорожки.

Когда после очередного поворота перед нами выросла громада королевского замка, я понял, зачем дракону алмазные когти: замок оказался хрустальным…

Я вообразил, как дракон цепляется за стену, словно ласточка за карниз, проводит широкую окружность алмазным когтем, взмахивает тяжёлым хвостом и вышибает вырезанное отверстие. После чего проникает внутрь. Летающий стеклорез…

Замок играл резными гранями на солнце, переливался разноцветными искорками сверху донизу. По низу шёл фундамент из чёрного хрусталя.

Удивляло наличие окон в замке – при прозрачных-то стенах! Для чего они? Разве что для вентиляции и для красоты. Иначе бы замок выглядел обычной глыбой стекла, пусть и громадных размеров.

Хотя, признаться, с первого взгляда отличить хрустальное окно от хрустальной стены не удавалось. Но потом я понял разницу: окна были гладкими, без резьбы.

Днём в замке свет можно не зажигать: сквозь прозрачные стены и окна прекрасно виделось происходящее не только снаружи, но и внутри.

Но свечи и светильники в замке, разумеется, имелись, и я представил, как замечательно он выглядит издали ночью…

Мы вошли. Внутри замка продолжался прежний лабиринт, но уже хрустальный: пересечения и ответвления коридоров и переходов могли запутать кого угодно. А если учитывать особую прозрачность стен, когда насквозь просматривалось несколько комнат подряд, причём на разных этажах, то лабиринт становился трехмерным, сложность его возрастала во много раз!

К счастью, оружейная находилась не слишком далеко от входа, на первом этаже. Не то, чтобы я боялся запутаться или заблудиться, но идти зигзагами надоело, тем более с перенапряжением памяти: наружный древесно-дорожечный лабиринт я запомнил, но запоминать ещё и хрустальный оказалось бы чрезмерным.

В оружейной

Оружейник-кузнец, здоровенный парень неопределённого возраста, с громадной чёрной бородой, в которой проблёскивали серебряные нити, завидев меня, заулыбался, будто встретил стародавнего знакомого.

– Пусть говорят, что врут сны! – забасил он, бросаясь к железному шкафу в углу комнаты. – Неделю назад привиделось мне, что нужно изготовить доспех… – он многозначительно поднял палец, – для победителя драконов. Я изготовил, потому как знал, что понадобится он скоро. Не ошибаюсь?

– В самое некуда, – мрачно произнёс я, нисколько не сомневаясь, что доспех придётся впору – ремешки подтягивать не придётся.

Так и произошло. Но едва я сбросил прежние латы, как все – и кузнец-оружейник, и сопровождавшие меня воины – принялись громко ржать, завидев то, что было под латами. Конечно: разве бархат и велюр годятся в качестве подлатника? Но не оправдываться же, что меня вырядила Вика? Смех станет ещё громче.

– Что было, то и одел, – негромко сказал я, – выбирать не приходилось. Враги напали внезапно, хорошо хоть оруженосец успел принести латы, а то и меня бы здесь не было. А его убили.

Что я плету? Неужели Вика запрограммировала и все мои ответы тоже? Или только ситуативные? Тогда чего они смеются? Или она специально? Для того и вырядила? «Над кем смеётесь!..» – так и хочется сказать.

Надо попробовать спросить что-то нестандартное. Да и тему невыгодную сменить.

– Скажите, братцы, кошки в замке водятся? – как можно небрежнее спросил я.

Стражники переглянулись. Вопрос явно пошёл вразрез – и с программой, и с ситуацией.

– Бывают… – осторожно ответил один. – А зачем тебе?

– Я хотел узнать, мышей они ловят?

– Ловят…

– А мыши тоже хрустальные?

– Нет, обычные… – чувствовалось, что стражнику ответы даются с большим трудом.

– Это хорошо, а то бы этакий звон стоял, когда они бегали бы! – фраза далась мне с не меньшим трудом, чем стражнику. Я словно через силу раздвигал рамки программы. Челюсти немели, но я переборол их.

Стражники расхохотались. Мне тоже стало легче: что-то я могу и сам, без подсказки.

Надев доспех и попрыгав, чтобы ничего не звенело, мне захотелось взглянуть в зеркало, и я вопросительно посмотрел на кузнеца-оружейника:

– Зерцало у вас имеется?

Тот обиженно чмыкнул и указал на серебристый прямоугольник в углу. Я направился к нему.

Я ведь ещё не видел себя в новом облике!

Высокий статный рыцарь с широченными плечами – казалось, разведи я руки, и то не смогу охватить их – приближался ко мне из тёмного пространства. Воронёные латы казались ожившим сгустком тьмы.

Что за чертовщина?! Мне же казалось, что латы – зеркальные, когда надевал! Я ещё подумал: как у пожарных, драконово пламя будет отражаться.

Или спецэффект возникает: зеркало – серебристое, латы – серебристые, минус на минус даёт плюс? Вот дались мне эти минусы…

А волосы? Почему тёмные? Я ведь помнил себя почти блондином. Неужели Вика решила меня перекрасить?

Я поднес руку к голове. Рыцарь в зеркале повторил жест. Так и есть – перекрасила! Ну, Вика… Если бы дракон унёс её саму, а не в виде принцессы – ни за что выручать не пошёл бы.

Я придвинулся к зеркалу, чтобы рассмотреть черты лица – может, она и бородавку на нос посадила?

Бородавки не оказалось, зато под носом чернели небольшие усики, которые издали я посчитал тенью или отражением от доспехов. Это ещё что? С детства усы ненавижу!

Я ухватился за верхнюю губу и… усов не ощутил. Их не было! А значит, передо мной – не зеркало!

Вид у меня был достаточно обалдевший, и поэтому засмеялись все: и кузнец, и стражники, и чёрный рыцарь в проёме двери, которую я принял за зеркало, поддавшись на розыгрыш.

Я не стал ни хвататься за рукоять меча, разыгрывая оскорблённое самолюбие, ни бросаться в рукопашную драку с кузнецом-оружейником: парень крепкий, дороже выйдет. Просто стоял и смотрел, как они ржут, постепенно включаясь в процесс: очень уж заразительно у них получалось. Совместный смех, как и совместная выпивка, очень сближает, но обходится гораздо дешевле.

Отсмеявшись, кузнец-оружейник протянул мне маленькое, в пол-локтя, зеркальце, где я успокоенно увидел собственную физиономию.

– А в полный рост посмотришься в любом коридоре. Зеркал там без меры, – махнул рукой кузнец-оружейник и обратился к чёрному рыцарю: – Что, сэр Жеральд? Тебя за зеркальное изображение приняли?

Сэр Жеральд, усмехнувшись, протянул ему руку:

– Как знать, кто кому отражение? – туманно пробасил он, входя в оружейную. Длинный меч мёл по полу.

– С каких пор ты начал так загадочно выражаться? – расхохотался кузнец-оружейник.

– С тех самых, как меня приняли за зеркало, – не менее загадочно ответил сэр Жеральд. – Или ещё раньше: когда ты отказался примерить на меня зеркальный доспех, – с неожиданной для его сурового вида детской обидой протянул он.

– Помилуй Бог! – воскликнул кузнец-оружейник. – Ты ведь и за старый не расплатился!

– Я предлагал тебе коня! – воскликнул сэр Жеральд.

– Коня! Что с ним делать? Я кузнец, а не рыцарь.

– Продал бы, – гнул своё сэр Жеральд, присаживаясь.

– Я не купец, – махнул рукой кузнец-оружейник, – торговать не умею. Приноси золото…

– Золото всем нужно, – пробормотал я, чтобы не стоять молча, а поучаствовать в разговоре.

– Верно говоришь, рыцарь! – поддержал меня сэр Жеральд, поворачиваясь в мою сторону. – Знаешь, что? Поеду я с тобой! А? У драконов в пещерах много сокровищ. Тебе – принцессу, а мне – золото? Пойдёт?

«Лучше наоборот», – подумал я, а вслух сказал:

– Согласен, доблестный рыцарь Жеральд! В опасном предприятии верный глаз и твёрдая рука будут весьма полезны. А золота хватит на всех.

– Две руки! – загрохотал сэр Жеральд. – Я одинаково хорошо рублюсь обеими!

– Вот и прекрасно, – согласился я, и мы изо всех сил пожали друг другу руки: небольшое негласное соревнование.

Пожатие сэра Жеральда было крепким, но и моё не уступало. Это обрадовало: значит, я действительно силен, а не только кажусь таковым.

– Но есть закавыка, сэр Жеральд, – продолжал я.

– Какая? – нахмурился рыцарь.

– Коня у меня нет. Может, уступишь своего запасного… в счёт будущих драконьих сокровищ?

Сэр Жеральд несколько секунд смотрел непонимающе, затем рассмеялся:

– Хорошо! Я дарю тебе коня!

– Ну, а об оружии, – я повернулся к кузнецу-оружейнику, – следует договариваться с мастером?

– Выбирай любое, – повёл рукой кузнец-оружейник. – Бери всё, что на тебя смотрит. Всё боевое.

Я выбрал длинный меч – едва ли не длиннее, чем у сэра Жеральда, – копьё, короткий кинжал и щит.

Правда, в глубине души сомневался, что смогу со всем этим управиться, но сам себе удивлялся: отбирал оружие уверенно, обмениваясь мнениями с кузнецом-оружейником так, что он зауважал меня к концу отбора. Видимо, какие-то базовые рыцарские знания у меня имелись. Неясно, правда, откуда – я ни рыцарский ликбез не проходил, ни курс молодого рыцаря… И, тем не менее, знаниями обладал. Да неужели сложно вложить в мой файл соответствующие сведения? Уж об этом, надеюсь, у Вики хватило ума позаботиться, если плазмоган не удосужилась подготовить.

Сэр Жеральд смотрел на процесс экипировки восторженными глазами ребенка, перебирающего кучу новых игрушек, иногда отпуская короткие реплики, которые я принимал весьма благосклонно. Наконец, всё оружие в кузнице-оружейной было пересмотрено и перемерено.

– А это, – произнёс я, отстегивая старый меч с бриллиантовой рукояткой и протягивая кузнецу-оружейнику, – возьми в качестве платы за доспех и оружие.

– Спасибо, – покачал головой кузнец-оружейник, не ожидавший такой щедрости от бедного рыцаря. – Тут хватит на два доспеха!

– Тогда мы все в расчёте! – подхватил сэр Жеральд, сделав объединяющий жест руками. – Я ему – коня, он тебе – бриллиантовый эфес! И за мой доспех мы в расчёте.

– Согласен, – кивнул кузнец-оружейник, – но лезвие придётся перековать…

– Ну, это ты сам, – заметил сэр Жеральд, увлекая меня к выходу.

Мы вышли от кузнеца-оружейника в обнимку, почти друзьями. Надо обустраиваться в этом мире: надежды на то, что я смогу вернуться в привычный, и вновь работать математиком, не было. Нет, раз я стал электронной копией человека, то самое место жить в электронной копии мира. Благо воспринимаю я его почти как естественный – спасибо Викиному таланту! Богиня… чёртова.

Сэр Жеральд провёл меня на конюшню и указал на шикарного першерона, который сделал бы честь потомкам рода владимирских тяжеловозов и ломовых битюгов. Причём обладая в то же время грацией орловского рысака.

– Вот он, красавец! Малыш! – позвал сэр Жеральд. Конь подошёл и доверчиво ткнулся ему губами в ладонь. Сэр Жеральд достал из кармана кусочек сахара и угостил Малыша. Конь захрустел сахарком.

– Когда отправляемся? – осведомился сэр Жеральд.

– Незамедлительно!

Это ответил не я: я бы повременил, мне не к спеху. Это ответил лорд-сенешаль, как он отрекомендовался, подойдя к нам и поприветствовав обоих.

– По приказу короля вас снабдят всем необходимым. Нельзя терять ни минуты, каждый миг промедления может обернуться гибелью принцессы, а для всего королевства, – он наклонил седеющую голову, – трагедией.

– Чёрт, даже помолиться не дали! – в сердцах произнёс я. Я-то надеялся уединиться в какую-нибудь дальнюю комнатку, типа часовенки, и там высказать Вике – если она за нами наблюдает, а она должна – всё, что думаю по поводу экипировки средневекового рыцаря и её

пригодности для сражения с драконами. Ну и ещё пару ласковых… Я надеялся, что она меня услышит и как-то отреагирует. Снабдит, например, бластером. Но, с другой стороны, это вроде как жалоба получается? Ладно, справлюсь сам. Рыцарь я или не рыцарь?

– Я поставлю за вас свечку, – пообещал лорд-сенешаль.

– Надеюсь, за здравие? – поинтересовался я саркастически.

– Две, две свечки! – потребовал сэр Жеральд.

– Три свечки! – послышался тонкий голос, и юный рыцарь вступил в наш круг.

– Ба, Юнис, да ты ли это? – загрохотал сэр Жеральд.

– Я, добрый рыцарь, я, – с печальной улыбкой кивнул Юнис.

Был он юн, худ и… Если бы я не был уверен, что Вика никак не могла заполучить мою фотографию десятилетней давности, то подумал бы … Но мне, видимо, показалось.

– А ты что собираешься там делать? – продолжал пытать Юниса сэр Жеральд.

Юнис покраснел, совсем незаметно. Так, что румянец можно было принять за краску ярости, каковая выступает перед битвой у настоящих бойцов – подобных тем, что отбирал для своего воинства Гай Юлий Цезарь.

– Я… мне давно пора совершить подвиг. После того, как принцесса посвятила меня в рыцари, у меня не было возможности доказать ей свою храбрость и мужество, – твёрдо отвечал Юнис. – Турниры не в счёт.

Э-э-э, да мальчик, видимо, серьёзно влюблён в принцессу. Что ж, она подходит ему более, чем мне. Вот только не будет ли он ревновать меня по всякому поводу и без повода? Станет ножки подставлять… моему коню. Может, ему досталась та часть программы, что Вике не удалось вложить в меня? Не успела? Или не захотела? Хорош бы я был: сгорающий от любви… к Вике.

А что же досталось сэру Жеральду? Откуда он? Ладно, не стоит ломать голову понапрасну, она мне, надеюсь, ещё понадобится. И не для того, чтобы разгадывать хитросплетения Викиных интриг. Она вольна творить в своих программах, что захочет, а моё дело – вести себя так, как хочется мне, не оставаться пешкой в её игре. Поперёк основного замысла я, конечно, выступать не буду (или не смогу), но адаптироваться к новым условиям надо. И предстоящее путешествие следует использовать на сто процентов: с окрестностями мира познакомиться, друзей новых завести. И деньжата не помешают, пригодятся на обзаведение хозяйством. Почем тут, интересно, рыцарские замки?

Экипировали нас практически мгновенно, несмотря на гору навезённых припасов. И как столько добра поместилось в перемётные сумы! Если бы я не знал, где нахожусь, сказал бы, что дело не обошлось без субмолекулярного сжатия. А если бы не знал о субмолекулярном сжатии, то и не представляю, что сказал бы: чудо, да и только. Колдовство.

Нам не дали ни подменных коней, ни оруженосцев. А я-то думал, что те являются непременным атрибутом странствующих рыцарей.

Все припасы мы погрузили сами. Ещё бы – такие першероны, особенно я с сэром Жеральдом! Да и кони у нас соответствующие.

Другое дело Юнис – он-то глистёнок совсем. По сравнению с нами, конечно. Но посмотрел я, как он провизию в перемётные сумы мечет, сразу понял: мальчик решил отъесться за время похода. На свежем воздухе аппетит нагуляет! Правда, тут и возле замка воздух чистый – не то, что в городских кварталах. Можно на природу не ездить: дыши и дыши себе.

Но Юнис, тем не менее, как был мальчишкой, так и остался: я заметил, как он, воровато озираясь – я подтягивал подпругу у Малыша и он меня не видел – положил в седельную суму целый мешок конфет «Золотой ключик». Полмешка занимала наклейка, почему я и обратил внимание. Между прочим, любимые конфеты Вики. Может, она себя запрограммировала под видом Юниса? Нет, ерунда, это у меня фантазия разыгралась, от эйфории предстоящего похода.

Мы с сэром Жеральдом не отставали в комплектовании походных рационов и вскоре та гора, которую навезли слуги – на шести подводах! – полностью исчезла в седельных багажниках. Теперь, дай Бог, всё оттуда извлечь, когда придёт необходимость! Чтобы разжалось сжатое. А то придётся шарить под кустами в поисках бутербродов и аптечек. Или Вика не станет утруждать себя такими мелочами? Тогда будем охотиться по пути. Рыцари мы или не рыцари?

В дороге

Выехали мы словно три богатыря, в ряд. Ну, на заочную роль Алёши Поповича, кроме Юниса, иных претендентов не нашлось, а мы с сэром Жеральдом могли оспаривать две оставшиеся. Хотя я с удовольствием отдал бы ему ломового Илью Муромца и согласился на более скромного, но и более умного (на мой взгляд) Добрыню Никитича. К тому же сэр Жеральд и ехал в центре, по Васнецову.

Ни собак, ни ловчих соколов у нас не имелось – то ли не полагалось по штату, то ли в дальних походах они не требовались. А может, поход не ожидается дальним? Спустимся в ту лощинку, поднимемся на тот холмик – и вот оно, драконово гнездо. Давай, круши, руби, разоряй! Или драконы в пещерах обитают? Плохо я знаю драконологию, вот что. Хорошо хоть Джон Пристли дал некоторую классификацию в своём «31 июня». Как это у него: вилохвостые, шилохвостые, копьехвостые, мечехвостые…

Но ни о местах обитания, ни о повадках драконов он ничего не сказал. А не помешало бы. Может, сэр Жеральд что-нибудь знает? Или Юнис? Вдруг у них в школах этому учат? Надо поговорить. На мой взгляд, драконологию рыцарям должны преподавать, как жизненно важный предмет.

И с оружием у нас не очень – если не найдём под кусточком или в дупле какой-нибудь ракетомёт, или, на худой конец, самопал, совсем кисло придётся. Вика что думает: если драконы программные, их убивать легко? А если программа самообучающаяся? И потом, это для неё он программный, а для меня настоящий. Я-то какой? Оцарапался при погрузке – кровь пошла. То-то и оно.

Ехали мы молча, потому что торопились. Это неспешная поездка располагает к разговорам, а крупная рысь, когда приходится тщательно следить, чтобы язык не прикусить, позволяет разве перебросить парой слов. Галоп, правда, ещё менее пригоден для словесных упражнений. Ну, ничего, подождём привала.

Капли драконьей крови, по пунктиру которой мы скакали, отчётливо выделялись на зелени молодой травки. Говорят, когда она засохнет и окаменеет, то превратится в самоцветы – в рубины, что ли. Ну а во что может превратиться красная кровь, как не в кроваво-красный камень? Хм. А откуда тогда я помню, что у драконов кровь чёрная? Или у разных – по-разному? Но у этого вроде чёрная была, когда я коготь отрубил. Или поначалу чёрная течёт, а потом переключается на красную? Двойная система кровообращения… Наверное, это удобно. А ну-ка, не ошибся ли я?

Я полез под панцирь, где хранил алмазный коготь, вынул его и осмотрел.

Кровь уже запеклась, и определить цвет не было возможности. Но на месте среза поблёскивали маленькие рубинчики.

Я хмыкнул и спрятал коготь. А сколько времени стоило убедить короля оставить коготь мне!

– Как мы иначе определим: тот ли дракон перед нами? – доказывал я королю.

– А что у меня останется на память о дочери? – упрямился он.

– У вас что, портрета её нет?! – возмутился я, подозревая, что король крутит пустой цикл.

– Да, действительно, – увял король, и коготь взять разрешил.

Занятый воспоминаниями, я не заметил белеющий в траве кусок материи, а мои спутники, зорко глядевшие на цепочку красных капель, заметили и отреагировали.

– Тпру! – возопил сэр Жеральд, натягивая поводья.

Лошадь остановилась так, будто он намертво зажал тормоза. Сэр Жеральд покачнулся в седле, но не упал – вот что значит выучка! Или небрежно написанная программа, не учитывающая столь «незначительных» факторов, как сила инерции.

Юнис, между тем, быстро спешился и поднял лоскут материи. А у меня в голове понеслись невообразимые картины: дракон, проголодавшись, на лету принялся разделывать несчастную принцессу, отщипывать мелкие кусочки и совать в рот. Значит, кровь – принцессина? Понятно, почему красная. Без усложнений в виде двойной системы кровообращения.

Юнис поднял скомканный кусок материала, но от волнения никак не мог развернуть, и чуть не порвал.

– Дай сюда! – сэр Жеральд отобрал у юноши материю и развернул лоскут.

Юнис скривился, но ничего не сказал.

– «Моим спасителям! – прочитал сэр Жеральд. – Дракон решил не есть меня сразу, так что у вас есть время меня спасти. Но поторопитесь: он ранен и зол. Пишу его кровью на подоле своего платья, поскольку оно всё равно порвано и испачкано. Он несёт меня в свой замок на вершине горы (по его словам). Я уверена, что вы с честью преодолеете все испытания, которые встретятся на вашем пути. Мысленно я с вами. Ваша принцесса, моё высочество».

– Дракон? В замок? – удивился я.

– Оборотень, наверное, – пожал плечами сэр Жеральд, – опять будет хромать на левую ногу! Да какая разница: всё равно убивать. Хромой, не хромой… Нет, если отдаст принцессу добровольно, да ещё золотишка подкинет… Но так не бывает, кроме как в сказках.

Он отшвырнул лоскут с письмом в сторону и вскочил на коня:

– Поехали!

Юнис наклонился, подобрал скомканный кусок платья и сунул за пазуху. Всё произошло за спиной у сэра Жеральда, и потому усмехнуться он не мог. А я не стал смеяться, потому что хотел кое-что обдумать и сделать выводы.

Во-первых, сэр Жеральд уже воевал с драконами. Это хорошо. Такая практика нам пригодится. Во-вторых…

– Юнис, – попросил я, – дай-ка взглянуть.

Юноша посмотрел исподлобья, но лоскут вынул.

Я развернул материю.

На белоснежном материале, украшенном вспыхивающими звёздочками бриллиантов – я узнал их, это действительно кусок платья принцессы – отчётливо чернели затейливые закорючки.

Но вот в буквы, а тем более в слова, они никак не складывались.

Может, написаны не на том языке, на котором мы разговариваем? Но – почему?

Что же читал сэр Жеральд?

И что означает намёк о предстоящих испытаниях?

Я вернул лоскут Юнису, он бережно свернул его и сунул за пазуху.

Не скажу, что мы начали придерживать коней, но некоторая расслабленность в движениях появилась. Вернее, нас отпустило напряжение, которое держало с момента отъезда. Сэр Жеральд принялся насвистывать какой-то бравурный мотивчик, достаточно чётко ложившийся на дробь лошадиных копыт, а Юнис достал из перемётной сумы горсть ирисок и принялся мечтательно жевать, бросая в рот по одной.

Меня же охватили совершенно иные мысли: я пытался разгадать логику Викиной программы. Собирается она гонять её изо дня в день? Или, позабавившись пару часов, выключит компьютер, стерев лишние файлы? Какова она, виртуальная смерть?

Я поёжился. Не успел, можно сказать, родиться – и уже призрак смерти встаёт за спиной. С короткой стрижкой…

Или беспокоиться не о чем? Ведь на неё я повлиять никак не могу, как и в жизни, поэтому лучше не забивать мозги ерундой. «Эх, пить будем и гулять будем, а смерть придёт – помирать будем!» – закрутилась в голове разухабистая мелодия. Словом, можно жить, как и раньше, особо не задумываясь.

А если Вика собирается развлекаться до тех пор, пока я не спасу принцессу и не женюсь? А после этого точно сотрёт программу: Game over!

Следовательно, моя задача – максимально затянуть поиски, чтобы подольше пожить.

Возможен и третий вариант: игра с продолжением. Захочет Вика – оставит меня в компьютерном рабстве навечно. Поговорим мы в реальной жизни на повышенных тонах – заточит в темницу, а то и вообще бросит диким зверям на растерзание. Потом, конечно, вылечит: и руку оторванную пришьёт, и голову прирастит.

И, главное, не могу я повлиять на ход событий: ругаться с ней буду не я, а мой реальный прототип. Хорошо, если у них останутся нормальные отношения. Тогда я имею шанс занять место старого короля и «жить долго и счастливо», развлекаясь охотами да мелкими вооружёнными конфликтами с соседями… Если только Вика не придумает новые приключения – второго дракона хотя бы, по бедности фантазии. Как в «Конане».

Но это если будут нормальные отношения. Причём не переходящие в семейные, ибо и в этом случае моё существование окажется под угрозой, особенно если всё пойдёт хорошо. Кто занимается игрушками, когда в реальной жизни всё в порядке?

Впрочем, зная себя настоящего, эта линия реальности казалась мне маловероятной: с чего вдруг я стану обращать на Вику больше внимания, чем до сего момента? Это здесь для меня произошла резкая перемена, а там всё, как прежде: хожу на работу, встречаюсь с Викой – по мере необходимости. В общем, рутина.

Конь споткнулся на кочке, прервав ход мыслей и вернув меня к окружающему.

Смеркалось. Это и удивляло и радовало: если бы Вика хотела прекратить игру, она обошлась бы одним днём, и я давно стал бы принцем. Но если она хочет продлить удовольствие, то… С чего я взял, что выключение компьютера равносильно смерти? Мы, то есть я, сэр Жеральд и Юнис, можем просто засыпать на это время. Запишет данные – и отдыхай.

Солнце заходило за чернеющую полоску леса.

Капли крови уводили вправо, и я подумал: хорошо, что дракон не проложил маршрут над лесом. А то пришлось бы залезать на деревья и искать следы на листьях. Впрочем, они уже слаборазличимы – не вспыхнули в ночи, как я ожидал, кроваво-фосфоресцирующим пунктиром. Значит, ночное путешествие не запланировано, а жаль: какие кровавые схватки могли состояться с алчными вампирами! Правда, это ещё возможно, так что лучше не кликать, на ночь глядя.

– Не пора ли позаботиться о ночлеге, доблестные рыцари? – провозгласил сэр Жеральд, придерживая поводья.

– Избушка лесника не видна, – усмехнулся я. – Придётся заночевать у костра. Тут нечисть не водится? – я указал на лес.

– В этих лесах – нет. Это охотничьи угодья его величества, – ответил сэр Жеральд, – а вот подальше…

– Ну, пока мы здесь, а не подальше, можно не беспокоиться, – резюмировал я.

Мы спешились, стреножили коней – они принялись мирно щипать травку, – а сами занялись оборудованием бивака.

Нам повезло: невдалеке проходила караванная тропа, и там, в окружении скальных обломков, обнаружилось место для очага. Но я бы удивился, если бы его не нашлось.

– А что, сэр Жеральд, не приходилось готовить дичину на этом месте? – вскользь поинтересовался я.

Он покачал головой:

– Нет, так далеко мы не заезжали. Это караванщики. Дорога проходит из Борейи в Сибелию. Через столицу, но до неё полдня пути. Мы обычно располагались ближе к замку, чтоб была возможность послать слуг за следующим кувшином вина! – он подмигнул. – Закончим эту кампанию, и я покажу настоящие охотничьи места!

– Спасибо, сэр Жеральд, ты настоящий друг, – ответил я, подбирая здоровенный сухой сук.

В походе мы были равны, не считались родовитостью, не чванились знатностью… Да, собственно, пока и не представлялись друг другу по титулам. И потому хворост и сучья собирали сообща. Да и то сказать – те сухие стволы, что мы подтащили к костру, одному трудно было сдвинуть с места. А вместе, чего ж – разминка.

Когда я вернулся к костру с последней охапкой хвороста, сэр Жеральд что-то рассказывал Юнису, возящемуся с тонкими прутиками и сухим мхом: он укладывал их в конструкцию, отдалённо напоминающую некий гибрид шалаша в Разливе с индейским вигвамом.

Я прислушался к болтовне сэра Жеральда:

– Против единорогов лучше всего выпускать коров. Или быков, но специально отобранных: чтобы рога у них не торчали в стороны, а были направлены вперёд и вверх. Ты скажешь, что рыцарь будет нелепо смотреться верхом на корове? Отнюдь! Должным образом подобранная сбруя, напротив, способна возвеличить седока. Лучшую лошадь можно загубить вместе с седоком, если седло подобрано неправильно, – и он выразительно посмотрел на меня.

Но я молча положил хворост поодаль от намечающегося костра, а сам сел поближе.

Сэр Жеральд продолжил:

– Иная корова сто очков форы даст иному быку, почему я и сказал, что против единорогов лучше выпускать коров…

– А почему? – спросил Юнис.

– Очень просто! Рассуди сам: при использовании клинкового оружия, к которому можно отнести и рога, владеющий двумя предметами вооружён дважды… – сэр Жеральд отмахнулся от налетающего комара. – К тому же, если единороги способны только на прямые колющие удары, то корова с изогнутыми рогами может наносить и боковые, то есть сражаться направо и налево. Не будем забывать и о резервировании! Что станется с единорогом, который в пылу схватки потеряет единственный рог? И не имеет значения, сломает он его сам, либо отсечёт противник – второго рога нет. Он выведен из строя как боевая единица! Между тем корова и с одним сломанным рогом способна сражаться. Мало того: она становится более яростной!

Юнис слушал, раскрыв рот и позабыв о костре. Я хмыкнул и лёгким шлепком убил комара на щеке. Пора бы и дымку подпустить. Но сэр Жеральд ещё не закончил.

– Мало того! – продолжал он, распаляясь. – Главный секрет в том, что те единороги, что никогда не видели коров, впадают в ступор и на некоторое время становятся небоеспособны. Они начинают размышлять: что перед ними – оживший кошмар, или просто двоится в глазах от выпитого? Единорогам перед боем обычно дают ведро крепкого пива, чтобы лучше сражались, – пояснил сэр Жеральд.

Я хмыкнул ещё раз и снова шлёпнул по щеке, хотя необходимости и не было.

– Пожалуй, – заметил я, – пока мы будем разбирать тактику применения коров против единорогов, нас заедят комары… Не пора ли разжечь костёр?

Сэр Жеральд засмущался и умолк, а Юнис ещё усерднее завозился над прутиками.

Что говорить, Юнис разжёг костёр виртуозно и традиционно: с помощью кресала и кремня. Это наводило на мысли о длительной скаутской выучке и тщательном чтении «Энциклопедии юных сурков». У меня бы так не получилось, несмотря на не меньшую теоретическую подготовку. Но в подобных делах больше ценится практика.

Юнис притащил откуда-то с десяток больших прозрачных камней, каковыми обложил выгоревшую проплешину кострища, вонзив острыми краями в землю.

– Чтоб красивее было, – пояснил он, – больше походило на очаг, а не на обычный костёр. Как будто мы дома.

Охотиться пока не было необходимости: в седельных сумках помещался месячный запас провизии на целую роту. Даже с учётом зверских аппетитов на свежем воздухе и нашу с сэром Жеральдом комплекцию.

Копчёную дичь мы разогрели на костре, на прутиках же поджарили ломтики хлеба, и получился недурственный пикник. Не обошлось без фляжки доброго вина, так что ужин удался на славу – королевские экипировщики своё дело знали. Надо выразить им благодарность по возвращении, не забыть.

Если не присматриваться к костру и не замечать, как пляшут в нём псевдосимволы – впрочем, они могли оказаться плодом моего воображения, – легко представлялось, что находишься где-нибудь на отдыхе, разве что без девушек. Но за одной из них мы как раз и ехали.

– А скажи-ка пожалуйста, дражайший сэр, почему ты отправился выручать принцессу? – осведомился у меня сэр Жеральд, откидываясь на кучу предусмотрительно заготовленного лапника, подгребая, чтобы полусидеть. – Если не брать во внимание королевский приказ? Мне показалось, ты поехал с охотой.

Чего он ко мне так обращается – чуть не в третьем лице? И тут я вспомнил, что до сих пор не представился… Вот незадача! Как же лучше назваться? Сэр Гей? Тьфу! Я не думаю, что тут знают о сексуальных меньшинствах, но всё-таки. Мне самому неприятно, а это главное. Вот нетрадиционно ориентированные – все слова перепортили! Сэр Сэрж? Тоже не звучит. Сэр Жуть? Ну, это я совсем не туда. Сэр Жик? Хулиганское какое-то, на жигана смахивает. Может, пройтись по иностранным аналогам? Сэр Го? Рэндзю… Сэр Ж? Коротко и неблагозвучно. Сэр Хьо? Нет, по-испански не звучит.

А с чего я взял, что обязательно надо образовывать нынешнее имя от паспортного? Я вообще могу Рыцарем Печального Образа назваться – и никому дела не будет. Но было подобное, не хочется повторяться. А здесь однажды назвался – с тем именем и останешься, в паспортный стол не сходишь. Что же придумать поприличнее? Был бы Борисом, назвался бы Сэр Бор. Нет, настроение не тезоименитствующее. Может, отложить на попозже? Скажем, утро вечера мудренее. Ладно, меня спрашивают совершенное иное, надо отвечать на конкретный вопрос.

– Понимаешь, сэр Жеральд, я не мог не ехать. Не потому, что мне грозила казнь. Просто я должен спасти принцессу. Она оказалась первым человеком, с которым я встретился здесь, в вашем ми…лом королевстве. Если бы я не вышел из леса и не заговорил с ней – может, дракон бы её не унес. Но, если он давно за ней охотился, то рано или поздно утащил бы. Поэтому своей вины в похищении принцессы я не усматриваю, а вот спасти – должен.

– А ты, сэр Юнис? – обратился сэр Жеральд к юноше.

Красноватые отблески костра на лице Юниса не позволяли сделать вывод, что он покраснел от заданного вопроса – всё можно списать на них.

Юнис ответил неожиданно. То есть мы знали, что он поехал именно из-за этого, так что вопрос был задан чисто для проформы – сэр Жеральд не мог не спросить Юниса после того, как спросил меня. Но мы не думали, что он признается сразу.

– Я люблю её, – сказал он.

Наверное, мой ответ повлиял. Чувствуя на себе ревнивые взгляды Юниса, я догадывался, что он считает меня соперником, отказывая в этом праве сэру Жеральду. А теперь, услышав, что я не питаю к принцессе никаких чувств, кроме чувства долга, решил сразу признаться, чтобы облегчить душу. Любовь – это такая вещь, к которой каждый рыцарь относятся по-рыцарски. Если он настоящий рыцарь, конечно.

Мы деликатно помолчали несколько секунд.

– А она об этом знает? – осведомился я, чтобы продолжить разговор.

Юнис покачал головой.

– Не знаю. Её все любят. Её нельзя не любить. Но что я для неё? А вот когда я её спасу, – глаза его засверкали, – тогда и она полюбит меня!

– А если она полюбит всех троих? – раздумчиво почесал затылок сэр Жеральд.

– Но её-то люблю именно я! – воскликнул Юнис.

– Логика железная, – пробормотал я, и обратился к сэру Жеральду: – А ты, доблестный сэр, поведай о своей причине. Мы-то с тобой на эту тему говорили, а наш спутник не слышал.

– Да что же говорить? – развёл руками сэр Жеральд. – Это хорошее приключение, добрая схватка. Победить дракона – великая честь. А если удастся завладеть его сокровищами… Эй, смотрите-ка!

Последнее выражение сэра Жеральда относилось к очагу, обложенному сверкающими камнями. Они во время всего разговора переливались, отражая и преломляя блики костра, а теперь вдруг засветились каким-то особенным светом.

– Да они горят! – воскликнул сэр Жеральд.

Действительно, камни, до того момента игравшие всеми цветами радуги, раскалились добела и вспыхнули. Маленькие синенькие язычки заплясали на поверхности.

– Это алмазы! – воскликнул я.

– Что-то ты не то глаголишь, – нахмурился сэр Жеральд, – как могут гореть алмазы?

– Ну, конечно, – я принялся лихорадочно припоминать школьные уроки физики и химии, – алмаз состоит из чистого углерода, и при нагревании горит не хуже угля… Даже лучше, потому что не содержит неорганических примесей и потому сгорает без остатка, не оставляя золы.

– Да-а, – протянул сэр Жеральд и уставился на Юниса. – Где ты их взял?

– Тут, недалеко, – пролепетал Юнис, – вон за тем камнем… там много ещё.

Он сорвался с места и убежал за огромный валун, охнул, оступившись, долго хрустел обломками скалы и, наконец, появился, держа в руках несколько огромных прозрачных алмазов.

Сэр Жеральд жадно схватил один из камней, повертел в руках, внимательно осматривая, потом попытался нацарапать на поверхности черту своим бриллиантовым перстнем. Разумеется, у него ничего не получилось.

– Ты смотри! – и он уважительно посмотрел на меня и благодарно – на Юниса. Потом повертел алмаз перед глазами, любуясь игрой разноцветных отсверков.

Юнис неотступно следил за ним.

– Мы на верном пути! – провозгласил сэр Жеральд. – Приближаются владения дракона! Правду говорили: там земля усыпана алмазами и золотом! Потому драконы и летают сюда, что у себя жрать нечего. Алмазы-то несъедобны.

И он швырнул принесенные Юнисом камни в костёр.

– Зачем, зачем это? – воскликнул Юнис растерянно.

– На обратном пути наберём, – отмахнулся сэр Жеральд, – чего зря набивать сумки каменьями, лошадей морить? Давайте ложиться спать.

Мы легли. Сэр Жеральд захрапел, едва перешёл в горизонтальное положение, а вот Юнис долго ворочался, укладываясь. Потом приподнял голову, прислушался: спим ли мы, осторожно поднялся и удалился за валуны.

Я машинально прислушался, ожидая, что услышу тихое журчание, однако уловил лишь стук камней да негромкое бормотание. Потом появился Юнис, держа узелком подол камзола, и я понял, что он ходил собирать алмазы. Вот те раз! Не подцепил ли он алмазную лихорадку? Надуло из-за кустов… С этой мыслью я и заснул.

Петля дракона

Когда я открыл глаза, утро уже наступило.

Но я так и не понял: выключала Вика компьютер, или сон был запрограммирован? Скорее первое, ибо в противном случае Вика не преминула бы учудить ночью какую-нибудь пакость – например, наслать полчища вампиров, или устроить разлив ближайшей реки, чтобы посмотреть, удастся ли нам выйти сухими из воды.

Ан нет, ничего подобного не произошло: речушка спокойно текла в пологих берегах, и я с удовольствием умылся в прохладной воде, глядя на своё разбивающееся мозаикой отражение. Мелкие волны набегали на берег, и рассмотреть лицо подробнее не получалось. А хотелось узнать: не слишком ли помято я выгляжу?

Вздохнув, я сделал несколько упражнений из комплекса утренней гимнастики, и вернулся на место стоянки.

За ночь костёр догорел, не осталось и золы, лишь чернело выжженное пятно кострища. Но утром огонь не был нужен: мы позавтракали холодным мясом. Должен же завтрак хоть чем-то отличаться от ужина?

Перекусив, мы поскакали по пунктиру кровавых капель. Застоявшиеся за ночь кони мчались с удовольствием, напоминая о том, что утренняя зарядка необходима всем живым организмам. Но нам пришлось заменить её тряской в седле, делая вид, что это массаж. Да, я успел сделать несколько разминочных движений на берегу реки, но искупаться не решился, опасаясь местных крокодилов – кто знает, что водится в здешних кодах, то есть водах? А вдруг бесконечный дифференциал? Так и изойдёшь на нуль.

Кони скакали по невысокой траве, на которой чётко смотрелись кровавые капли, подобные редким ягодам. По счастью, настоящих ягод не было, и они не отвлекали внимание. Наверное, не сезон.

Три пары глаз зорко высматривали красную цепочку, одновременно зыркая по сторонам: не лежит ли где-нибудь ещё один лоскут платья?

И вдруг цепочка разделилась! Капли и до того лежали вразброс, не по идеальной прямой. Это было естественно, но неудобно: приходилось мотать головами из стороны в сторону, стремясь не потерять их из виду.

Но, начиная с какого-то момента, пунктир капель начал явственно расходиться на три. Один стал забирать влево, второй вправо, а третий по-прежнему стремился вперёд.

Всё произошло так быстро, что мы проскакали развилку прежде, чем до нас дошло, что тут что-то не так.

Сдержать удивление мы не смогли, а вот коней – удержали.

– Что за чертовщина! – гаркнул сэр Жеральд. Он всегда успевал отреагировать быстрее, и не только словесно. Что, впрочем, вполне понятно: Юнис грезил о принцессе, а я думал о своих проблемах.

Возглас сэра Жеральда оторвал нас от размышлений и перевёл в плоскость действия.

Место развилки мы миновали. Но не стали возвращаться, а остановились там, где следы разошлись совершенно отчётливо.

– Что будем делать? – спросил Юнис. – Разделимся?

– Как это получилось? – недоумевал сэр Жеральд. – Он что, трёхглавый? А кровь горлом пошла, от натуги? Принцесса тяжёлая, надорвался…

Я растерянно пожал плечами:

– Честно говоря, не помню. Скорее всего, трёхглавый: втроём не так скучно, всегда найдётся, с кем поболтать. Он и должен быть трёхголовым, раз нас трое: каждому по голове. И при чем тут трёхголовость? Я ему коготь отрубил!

– Что же будем делать? Разделимся? – вновь спросил Юнис, нетерпеливо ёрзая в седле.

«Либо дырку протрёт, либо мозоль будет», – мельком подумал я, а вслух сказал, решительно и твёрдо:

– Считаю, что так делать нельзя. Это может быть драконьей военной хитростью: поодиночке с нами легче расправиться.

– Верно! – поддержал меня сэр Жеральд.

– Тем более непонятно, – продолжал я, – как капающая кровь разделилась на три потока? Даже если дракон трёхголовый, даже если перенапрягся… Он что, с изменяющейся полётной конфигурацией? Каждая голова способна лететь отдельно? Тогда это ассоциат, а не целостный организм.

– Мудрёно говоришь, но верно, – покачал головой сэр Жеральд. – Едем вместе, негоже разделяться. Поодиночке нас вернее ухлопают, чем гуртом.

Юнис вынужденно согласился с большинством, хотя было видно, что он не в восторге: ему хотелось освободить принцессу самолично. Подумаешь, какой-то вшивый дракон!

– По какой дороге поедем? – спросил он, скрепя сердце, – то есть по каким следам?

– Я бы поехал прямо, – сказал сэр Жеральд, – по средней. Нет ничего дороже золотой середины.

– А я бы – по правой, – сказал Юнис. – Наше дело правое…

– А я бы подумал, – сказал я.

Жаль, что я не знаю, как вызвать карту. Во всех «бродилках» такая возможность имеется. Правда, там не всегда позволяют увидеть ещё не пройденный путь, но оценить обстановку удалось бы. А может, поискать кнопку вызова, вдруг получится? Как там: ноль на клавиатуре? Или клавиша «м»? Где её найти?

Я потрепал лошадь по шее, провел рукой между ушей и потянул украдкой за левое ухо. Лошадь затанцевала, но карта не открылась. Эх, надо было за правое дёрнуть! Стоп, а почему лошадь? Я ведь в точности такой же электронный, как и она…

Я пощипал себя за мочку уха, за вторую, почесал затылок… Нет, если где и скрывалась «горячая клавиша», то явно не там, где я. Что ж, попробуем иначе.

Я попытался мысленно воспарить над местом стояния и представить его с высоты птичьего полёта. Увидать ту самую карту, представить её.

Так… это стоим мы, это капли драконовой крови, развилка… Что-то она мне напоминает… Что? Букву «пси» греческого алфавита. Трезубую вилку, трёхглавого дракона, трезубец князя Владимира. Ну и что? А откуда она появилась, эта вилка? Обычным способом объяснить невозможно… Или возможно? Сказочным – проще всего, а вот обычным? Что может сделать дракон, чтобы нарисовать букву «пси» греческого алфавита? Причём в полёте?

Но будет ли дракон писать букву «пси»? Зачем ему это надо? Даже если попросить: нарисуй, мол, букву «пси», он сморщится и скажет: «Фи! Зачем мне это нужно?»

И будет абсолютно прав! Не надо рисовать букву «пси», а надо рисовать… букву «фи»! Тем более что нарисовать её проще простого, даже в полёте: летишь себе прямо, потом отклоняешься вправо, делаешь петлю и возвращаешься назад. И, пересекая свой след, уходишь налево…

И получается аккуратный перекрёсточек, трилистничек буквы «фи». А если постараться, можно сделать, что и под острым углом следы расходиться начнут… особенно если включить реверсивную тягу. Интересно, есть ли у драконов реверс?

Стоп-стоп-стоп. Параллельная мысль возникла. Вот она: а может, изрыгание огня драконом, которое любят описывать очевидцы, есть не что иное, как попытки дать задний ход? Тихое животное – безобидное, беззлобное, может быть, даже травоядное – вышло погулять, подышать свежим воздушком. Идёт спокойненько, дышит полной грудью – и вдруг налетают на него с мечами, с копьями! Поневоле затормозишь и подашься назад. А как? Изрыгая пламя: надо

включить экстренную тормозную систему. А когда используешь реактивный принцип движения, то ничего лучшего, чем тормозной импульс, и не придумаешь. А эти олухи, видя выхлоп, начинают врать, что дракон изрыгает пламя, плюётся огнем… Вот и всё.

– Поедем налево, – решил я.

– Почему? – возразил сэр Жеральд. Нет, не возразил, а спросил: – Почему?

– Сдаётся мне, доблестные сэры, что немалая хитрость со стороны дракона имеется. И если он не левша, то должен обязательно направо лететь, – туманно объяснил я.

Юнис недоумевающе посмотрел на меня.

– Но если дракон не левша, почему мы идём налево?

– Математику учить нужно, – мягко пояснил я, и, видя, что Юнис продолжает смотреть недоверчиво, добавил: – Мне кажется, он развернулся и пересёк собственный след. Как заяц…

Юнис посветлел: он понял.

– Ха, ха! – захохотал и сэр Жеральд. – Дракон – заяц! Мне нравится сравнение, сэр рыцарь. Но если заяц начинает путать следы, это означает, что он хочет залечь на отдых. Может, и у драконов такие обычаи? Поспешим же: цель близка. Впереди – логово дракона!

И мы поскакали.

«Степь да степь кругом…» – почему-то захотелось запеть. Наверное, передалась уверенность сэра Жеральда. Он-то охотился и на зайцев, и на драконов. А я, наоборот, в «зелёном патруле» состоял, охранял живую природу.

Встреча с медведем

Скакали мы недолго: следы стали забирать вправо и вскоре повернули на сто восемьдесят градусов. Я почувствовал себя неловко: дракон оказался левшой. Назло мне.

– Ну что же, – сказал я, когда мы вновь выехали на место пересечения следов крови, и Юнис посмотрел презрительно, – я ошибся: дракон оказался левшой. Но зато теперь мы точно знаем, с какой стороны к нему подходить, как атаковать, куда отскакивать…

Сэр Жеральд одобрительно хмыкнул и покивал головой. Но Юнис думал о другом.

– Я так и знал! – выпалил он. – Надо было ехать направо!

– А чего не сказал? – огрызнулся я. – И откуда такие сведения? Ничего, потеря невелика, минут двадцать.

– Не будем спорить, доблестные рыцари, – вмешался сэр Жеральд, – поедем по следам.

Ох, не хотелось мне туда ехать! Подступавший слева к дороге лесочек, в котором мы собирали дрова, исчез. Вернее, остался позади, и, не окажись дракон левшой, мы бы продолжали скакать по чудной зелёной травке, скрывающей старую заросшую дорогу, которая, несомненно, вела прямиком к драконьему логову. И как я её вчера не заметил? По ней в незапамятные времена окрестные жители возили дракону дань: кур, баранов, свиней, быков и молоденьких девушек. А потом жители обленились, или обнищали, и дракону пришлось самому добывать пропитание.

И вот дорога, вместо того, чтобы вести влево – «в поля, в луга, на берег речки», где «пасутся белые овечки и сена высятся стога», – принялась упорно уклоняться направо, а там дремучился тёмный лес. Подтверждались мои худшие опасения: нам-таки придётся залезать на деревья, отыскивая кровавые следы. Интересно, годятся рыцарские шпоры в качестве монтёрских «кошек»?

Мы подъехали к опушке. Лес стоял прочно, вечно, заколдованно.

Сэр Жеральд нахмурился, снял со спины арбалет, взвёл и пристроил на луке седла. Юнис проделал то же самое.

Чёрт, если бы я знал, как пользуются этой штукой! Нет, когда-то в детстве, помнится, мастерил подобные самострелы: кусок деревяшки, гвоздик, резинка от трусов… Шагов на двадцать стрела летела. Тут принцип действия тот же, но сбивать птицу на лету не стоит и пытаться: практики маловато. Лучше чего-нибудь попроще.

Я вытащил из ножен меч и положил поперек седла.

Сэр Жеральд покосился на меня, но ничего не сказал.

– От нечисти, – пояснил я, – острая сталь.

– А, да! – лицо его разгладилось. – А я и позабыл… Обычных ворогов ожидаю.

Дорожка неотвратимо сжималась, превращаясь в тропинку. Наверняка мы не тем путем поехали! По такой тропке только заготовители хвороста ходят. Чего вдруг она исхудала?

– Не обошлось без колдовских чар, – вдруг произнёс сэр Жеральд, поднимая арбалет. Он словно услышал мои мысли: находясь в одной программе, это немудрено.

– Поеду-ка впереди, – решил я, беря меч в правую руку, а левой подбирая поводья, как положено по уставу. – А ты, сэр Жеральд, если что – рази без промаха.

– Не беспокойся, – отвечал сэр Жеральд, – моя рука не дрогнет!

Тропинка принялась выписывать неожиданные повороты – иногда под прямым углом – и я сразу вспомнил зелёный лабиринт подстриженных кустов у королевского замка. Не сдублировала ли Вика программу? Но кусты по обе стороны тропинки росли нестриженными, дикими. Лес же.

И внезапно зашевелились справа, и оттуда показалась огромная оскаленная медвежья морда.

Я замахнулся мечом, но ударить не успел.

– Не ходите сюда, добрые люди, – послышался хриплый голос, и я вспомнил сакраментальное выражение пёсика Фафика: «Улыбаться – это всегда немного показывать зубы». Но не может говорить медведь, не оскаливая пасть, если не чревовещатель. А при разевании пасти зубы оскаливаются автоматически. Значит, медведю надо шептать. А тогда дикция ухудшается. Вот незадача!

– Ты предупреждаешь или угрожаешь? – уточнил я, отводя меч в сторону, но продолжая держать наготове.

– Предупреждаю, предупреждаю, – галантно ответил медведь, защищающимся жестом выставив лапы с крупными когтями.

Как верить такому зверю? А поверить надо. Хорошо, с детства сохранились тёплые воспоминания об игрушечном плюшевом мишке. Представлю, что это он и есть…

– А почему нельзя? – причину выяснить всё равно необходимо.

– Это заколдованный лес.

– А ты вроде сторож? И оклад хороший?

– Нет, я на общественных началах, – грустно произнёс медведь. – Дело в том, что я сам заколдован. Раньше я был добрый молодец…

– А теперь – добрый медведь, – продолжил я. – Хорошо хоть доброта у тебя сохранилась, а то как бывает: подхватит кто-то СПИД по глупости – и давай всех подряд заражать. Чтобы, мол, не одному страдать. Вот количество зла в мире и увеличивается. И, главное, ему самому лучше не становится! Смерть всё равно у каждого своя…

– Не-е, я не такой, – протянул медведь, замотав головой, – я предупредить хотел. Может, потом меня расколдуете… – добавил он застенчиво, но с надеждой.

– Обязательно! А кто тебя заколдовал-то?

– Да я сам не знаю, – понурился медведь. – На колдовскую мину, видать, напоролся… Тут недалеко колдунья живёт, верно, она подходы к избушке и заминировала.

– Вот нам к ней и надо. А то, вишь, дракон унёс принцессу, а мы выручать её идём, да сбились с дороги. Ранил я дракона (я не стал уточнять, куда), кровь из него капает. Пока ехали по лугу – видели след, а теперь кровь на деревьях, на листьях. Снизу не разглядеть.

– Эх, был бы я белкой! – воскликнул добрый медведь. – Помог бы вам!

Меня тронула его искренность.

– И поможешь, если укажешь, как к избушке подобраться, да на мине не взорваться…

Я перестал понимать: где говорю сам, а где – под влиянием программы. Чьи переходы со сказочно-славянского на вульгарный: мои или запрограммированные?

– По тропинке идите, она выведет, – махнул лапой медведь. – В сторону не забирайте. По тропинке колдунья ходит, боится минами себя заколдовать. А другой дороги нет, никто в иное место прийти не может, только к избушке. А там она с любым справится: дома и стены помогают.

Распрощались мы с добрым медведем, и пошли дальше.

– Ты ему веришь? – проворчал сэр Жеральд, когда удалились от места встречи.

– Почему и нет? – пожал я плечами. – Морда внушает доверие…

– А меня так и подмывало пальнуть в него из арбалета, – признался сэр Жеральд.

– Стрельнуть, – машинально поправил я, – из арбалета – стрельнуть, потому что стрелой. Пальнуть можно из огнестрельного оружия.

– Один чёрт! – махнул рукой сэр Жеральд. – В этих лесах я никому не верю.

– Бывал, что ли? – поинтересовался я.

– Рассказывали всякое, – проговорил он уклончиво.

В избушке у старушки

Полянка открылась неожиданно, сразу после того, как кусты близко подступили к дорожке и пригрозили совсем её задушить.

А на поляночке сидела старушенция в сиренево-сером платье и слушала Луи Армстронга: перед ней на вкопанном в землю одноногом столике стояла маленькая клеточка, в которой он и распинался. Как положено, с саксофоном в руках, звучанием которого перемежал вокальные экзерсисы.

Старушка время от времени бросала в клетку кусочки чего-то съестного, и маэстро, закончив номер и раскланиваясь, подбирал их с пола и торопливо совал в рот, проглатывая и давясь.

Завидев нас, старушка вытерла руки о подол платья и поспешила навстречу.

Пока шла, я успел заметить, что дракон здесь пролетал: капли крови криво пересекали полянку, взбегали по скату на крышу домика и исчезали за ним.

«Гемофилией, наверное, страдает, – подумал я, – вторые сутки кровь капает… Прижёг бы, что ли – огонь при себе. Но Вика тоже даёт: так над Армстронгом издеваться! Она что, скрытая садистка? И ещё: такую программку на скорую руку не соорудишь. Может, у неё имелись фрагменты, или давно играет в этот мир, а теперь решила закинуть сюда и меня?»

Я вспомнил, что раньше не обращал внимания на то, что Вика делает за компьютером: не люблю заглядывать через плечо. Так что всё возможно – и скрытый садизм, и сказочный мир.

Старушка подошла поближе, и я с удивлением заметил, что у неё острый длинный нос. Очень острый. Настолько, что на него с размаху насаживались звенящие в воздухе комары.

Что-то мне это напоминало… где-то я её уже видел…

Присмотревшись, я ахнул: передо мной стояла ожившая картинка из стенгазеты, которую я нарисовал к какой-то дате, или на тему вылазки в лес. Не то карикатура, не то дружеский шарж на Вику, в котором обыгрывал её фамилию – Остроносова. И даже комары на носу, по-моему, были те же самые.

– Ба! Кто к нам пожаловал! – воскликнула старуха.

– И кто же к вам пожаловал? – осведомился я.

– Да, действительно… Кто вы такие, доблестные рыцари?

Вот те раз! А я-то надеялся перехватить управление программой: я думал, колдунья сама назовет моё имя, не придётся вспоминать. То есть, что я? Я – Сергей Леонидов… но это моё реальное имя, а вот виртуальное, электронное? Но я же собирался его придумать! Например, сэр Леон – звучит? Ещё как: «Леон» значит «лев». Подойдёт. Для рыцаря в самый раз. Вот так в неожиданные моменты и приходит озарение. Да, но отвечать-то бабуле всё равно надо. А как? Да как положено!

– Что ж ты, бабушка, не накормив, не напоив молодцов, а спрашиваешь? Не надо нарушать неписаные традиции. Тем более нас трое. Значит, тройного почёта требуем.

Я хотел сыграть на магическом для всех сказок числе «три».

– А не заколдовать ли вас? – задумчиво произнесла колдунья, далеко выпячивая нижнюю губу. – Кормить не придётся…

Спутники мои побледнели.

– А мы уже заколдованные, – хладнокровно произнёс я, имея в виду прежде всего себя. – Так что я бы на твоём месте не рисковал. Минус на минус даёт плюс.

– Это почему? – подозрительно спросила колдунья.

– Математику учить нужно, – важно ответил я, смутно сознавая, что начинаю повторяться.

– Ну, пойдёмте, коли так, – предложила старуха, сошмаргивая комаров с носа и стряхивая наземь. Ими тут же заинтересовались какие-то пичуги.

Оставив коней у коновязи, где разлеглось длинное корыто с овсом, весьма напоминающим расплющенные хлопья «геркулеса», мы вошли в избушку и огляделись.

Снаружи мне казалось, что мы в ней не повернёмся, ан нет – избушка оказалась словно «фиат» из рекламы: внутри больше, чем снаружи. Причём в несколько раз. Я думаю, при желании мы разместились бы вместе с лошадьми.

Да и интерьер помещения мало напоминал виденные мною маленькие избушки.

Я смотрел по сторонам и думал: почему мне до сих пор не встречаются знакомые по компьютерным играм места? Должна же Вика что-то заимствовать из существующих программ? Например, избушка и старушка – я бы содрал их из чего-то вроде «Crow». Но всё кажется оригинальным. Что лишний раз говорит о Викиной квалификации.

Бабуля принялась накрывать на стол. Не то, чтобы сильно хотелось есть (хотя и подошло время обеда), да и из соображений безопасности следовало отказаться от приёма пищи (я не забыл предостережение доброго медведя), но мне казалось, что коварство колдуньи нам не грозит. Да и горяченького захотелось. Да и пахло, признаться, очень вкусно.

Замечательно пахло, я даже удивился. Ну ладно: изображение, цвет, звук на компьютере получаются очень хорошо, но они получались хорошо и в кино и на телеэкране. А об электронном моделировании запаха пока никто не заикался. Откуда же берутся запахи? Неужели, находясь внутри программы, начинаешь чувствовать себя настоящим человеком? Или просто память подключается: видишь что-то, вспоминаешь, как пахнет – и пожалуйста. А если встретится нечто незнакомое, что тогда?

Тонкий парок струился над тарелками. Из хорошего фарфора тарелки, с ручной росписью, не с шелкографией.

Юнис провёл над своей тарелкой правой рукой, будто крестя. Блеснул бирюзой камень в печатке.

– Можно есть, – сказал он, – яда нет.

Я усмехнулся. Сэр Жеральд тоже.

– Юноша, – наставительно произнёс он, – от колдовства никакие камни не помогут, только амулеты. – И взялся левой рукой за висящую на шее ладанку.

– Этот поможет, – упрямо ответил Юнис, беря ложку и опуская в тарелку. – Его дала крёстная, а она в таких делах толк знает.

– Фея Серебряного Озера? – переспросил сэр Жеральд. – Тогда я спокоен.

И тоже взял ложку и погрузил в варево.

Вошла колдунья, неся на большом блюде целого жареного индюка.

– Кушайте, гости дорогие! – расплылась она в улыбке. – А то заскучала я. Никто у меня не появляется, все боятся чего-то…

– Наверное, того, что заколдуешь их, – заметил я, поднося ложку ко рту.

– Кто? Я? – всплеснула она руками. Хорошо, что блюдо поставила на стол, а то бы уронила. – Да напраслина всё! Чего заколдовывать-то? Всё до меня заколдовано! Я же тут недавно, без году неделя…

– Направленница, что ли? – спросил я, но колдунья только зыркнула взглядом в мою сторону и ничего не ответила.

– Вот взяла бы – и расколдовала, – произнёс Юнис, облизывая ложку.

– Да как я могу? – искренне удивилась колдунья. – Не мной заколдовано, не мне и расколдовывать. Чего силу свою тратить на чужие колдовства? К тому же, колдовская этика… И потом: у каждого колдуна свои приёмы и ухватки. Чужое расколдовывать… ой-ой-ой! Такое может получиться, что не обрадуешься: вместо расколдовывания получится двойное заколдовывание. По мелочам кое-что можно попробовать, но не более.

– А как же зовут тебя? – неожиданно в упор спросил сэр Жеральд, укладывая ложку у пустой тарелки. – Слыхал я о тебе или нет? О местах этих давно недобрая слава ходит…

– А зовут меня, – колдунья пронзительно посмотрела на меня, взгляд её стал острее носа, – Акив!

– Кхгм! – я поперхнулся борщом и перестал ощущать вкус. Ну, теперь всё: если Юнис или сэр Жеральд находились в свите короля, когда я ему вешал лапшу на уши, то вспомнят, что я ссылался на колдунью Акив, которая меня заколдовала. Мне осталось уповать, что их там не было. Либо что они забыли. Хотя на последнее надежды мало: у сэра Жеральда память как винчестер большой ёмкости, всё вмещает. Нет, в свите я их вроде не заметил. И с сэром Жеральдом встретился в оружейной. А вот Юнис… В конце концов, сошлюсь, что колдуньи – тёзки. Или сёстры родные.

– Ага, – сэр Жеральд замолчал, вспоминая, потом покачал головой: – Нет, не слышал. Сивеллу слышал, Желтину слышал, этого… – он перекрестился, словно отмахивал муху, – Морога слышал. А тебя – нет.

Индейка – или индюк? – оказалась очень вкусной, и мы умолотили её за пять минут.

– Поели? – осведомилась колдунья, потирая руки. – Теперь – информация! Ничто не ценится у нас так дорого, как хорошая информация. Кто вы, откуда, и куда путь держите?

Первым начал Юнис, по старинной армейской традиции, когда первым высказывается младший:

– Я – Юнис Селерон, герцог Аксцезский.

Вот те на! Юнис – герцог. Значит, надо называться минимум принцем крови. Иначе несолидно получится.

– Жеральд Мегатренд, барон Эксельский! – провозгласил сэр Жеральд.

Ну, это полегче. Но всё равно, какую бы глупость сморозить: Майкрософт Ворлдский? Или Ворлд Майкрософтский?

Я на мгновение задумался, но губы помимо воли произнесли:

– Сэрж-Леон де Альгвазил, граф Сен-Викийский!

Боже мой! – я едва не схватился за голову. Ну, Викочка, удружила! Одно хорошо: самому не надо придумывать. Но лучше быть безымянным бродягой, чем терпеть такое издевательство! А ведь придётся. Ну, спасибо, Викочка. Уж я тебя уважу, если получится: залезу в систему и переформатирую винчестер! Перед сдачей отчёта по хозтеме. Чтобы знала, что я не раб, а свободный человек.

Но надо брать себя в руки и продолжать переговоры с владелицей избушки:

– А идём мы на поиски принцессы, которую унёс свирепый дракон…

– А-а-а! – закричала страшным голосом колдунья. – Так это вашу принцессу дракон пронёс над моим домом?

По форме вопроса можно подумать, что над избушкой что ни день пролетают драконы с принцессами, причём всякий раз с новыми.

Сэр Жеральд, видимо, подумал так же, поэтому сказал:

– Другой вроде быть не должно, – и уважительно посмотрел на меня. Не безродный рыцарь, граф в друзьях.

– И вы собираетесь дракона убить? – вкрадчиво спросила колдунья. – А принцессу – освободить?

– Хотелось бы… – выжидающе сказал я, пытаясь предугадать реакцию: вдруг она двоюродная сестра дракона? Мало ли какие родственные отношения у нечистой силы?

– Тогда я вам помогу! – решительно произнесла старуха. – Он мне крышу кровищей закапал: не мог, скотина, в сторону свернуть. Теперь либо перекрашивать, либо скипидаром оттирать. А драконья кровь едучая! – она сожмурилась. – Это сколько скипидара уйдёт? – потом переменила тон и предложила: – Идёмте в светёлку.

А где мы сидели, в горнице, что ли? Или в трапезной? Ну-ну, Вика… Графы, бароны, герцоги – и светёлка, вишь. Прямо смесь французского с нижегородским. Или бульдога с носорогом, – додумал я, вспомнив детский прикол.

В светёлке, оправдывая название, было светло и чисто. Посредине стоял такой же стол, как в трапезной, а вдоль стен, на украшенных вышитыми полотенцами полках, разлеглась коллекция фарфоровых тарелок.

Старуха, приподнявшись на цыпочках, споро достала одну, поставила на стол (по ободку тарелки вилась затейливая надпись «ВЭФсоник»), и, вытерев о передник розовобокое яблоко, снятое с той же полки, катнула по тарелочке жестом опытного рулеточного крупье. Ещё и подкрутила большим пальцем.

На тарелочке, подрагивая, медленно прояснялось изображение богато украшенных палат. Узкие стрельчатые окна, забранные узорчатой разноцветной мозаикой, бросали радужные блики на девушку, сидящую на длинной деревянной лавке и грызущую морковку.

Изображение мерцало и подергивалось, к тому же казалось затянутым серой паутиной.

– Опять с настройкой что-то, – буркнула старуха. – Сигнал нечёткий. Ионосфера, что ли, шалит?

Она сняла яблоко с тарелки, протерла её подолом платья и вернула яблоко обратно.

Изображение улучшилось, но ненамного: муар исчез, но мерцание осталось, и добавились поперечные полосы.

Колдунья щёлкнула пальцем по яблоку. Изображение поморщилось.

– Нет, это чёрт знает что! – возмутилась старуха.

Она схватила яблоко с тарелки и принялась внимательно осматривать.

– Ага! – завопила она страшным голосом, увидев входное отверстие яблочной плодожорки. Ещё секунду осматривала яблоко и, не найдя выходного, ухмыльнулась, приложила яблоко к уху, затем покрутила и решительно куснула.

С хрустом раскусив яблоко, она тряхнула его, и на пол, извиваясь, упал большой белорозовый червяк.

Жалобно причитая, он быстро-быстро уполз с места падения и спрятался под шкаф. Баба-Яга, не предпринимая никаких действий, задумчиво провожала его глазами, догрызая яблоко.

– Может, раздавить? – поглядывая на суетящегося червячка, предложил сэр Жеральд, которого утомило бездеятельное сидение, и он решил хоть как-то развлечься.

– Пригодится, – отрезала старуха, доставая из шкапа другое яблоко. Внимательно осмотрев его и погрозив кулаком червячку – он осторожно выглядывал из-за ножки шкафа, – пустила по блюдечку.

– Кто это? – спросил я, кивая на червячка. С чего такая забота об обычном плодовом вредителе?

– Мастер-наладчик, – пренебрежительно махнула она рукой. – Работает неплохо, но иногда забывается.

Тарелочка засветилась вновь. Изображение осталось прежним, хотя качество значительно улучшилось. Но слева вклинилась бесформенная зеленеющая масса.

Принцесса говорила тихо, постепенно повышая голос:

– Не пойду я за тебя замуж, чудище ты трёхголовое. Я – порядочная девушка, а не шлюха какая-то… Ты мне групповуху не предлагай, гнида зелёная! Скоро явятся рыцари мои верные, срубят головы твои поганые, а тебя на кусочки разрежут, сожгут и пепел по ветру развеют!

Речь принцессы, на мой взгляд, также страдала смешением стилей: возвышенно-высокопарного и приблатнённого. Или это из-за неотлаженной программы?

– Садистка ты, принцессочка, – услышали мы сиплый голос, и зелёная масса шевельнулась, открывая костяной гребень на спине: масса оказалась плечом дракона. – Это мне и нравится! А на рыцарей ты напрасно надеешься: изведу я их! Вот им, рыцарям твоим! – услышали

мы драконий рык, и в поле зрения показалась зелёная фига. Конфигурация пальцев на лапе дракона сильно отличалась от человеческой, поэтому фига получилась экстравагантная.

С секунду мы смотрели на произведение драконова искусства, а потом на месте фиги появилась оскаленная драконья морда:

– Слушайте вы, рыцари стоеросовые! Убивать я такую шикарную принцессу, конечно, не буду. В темницу бросать – тоже. А будет она сидеть в высокой-превысокой башне. А вас, милые мои, обязательно изведу. Особенно того, кто мне любимый коготь отрубил. Так что сидите дома и не рыпайтесь! Всё, конец связи!

Изображение исчезло. Баба-Акив попыталась немного покрутить яблоко, покопалась в оборотной стороне тарелки, но ничего не добилась.

– Может, эти попробуем? – кивнул я на стоящие на полках тарелки с надписями «Панагрюндиг» и «Филипкайи».

– Не работают, – поморщилась колдунья, – всё не соберусь представителей фирм вызвать. Ну, кто в нашу глушь доберётся? – пригорюнилась она. – А тот вообще барахло, – и она указала на стоящий в углу комнаты старинный рекордер с затейливой вязью на передней панели: «д'Непруха». – Музейная редкость.

– Вы обещали помочь, – напомнил я.

– Да! Покажите наглому драконишке, на что вы способны.

– Он намекал на какие-то угрозы.

– Да какие угрозы! Стандартный набор: непроходимый лес, непроходимое болото, непроходимые горы…

– И непроходимость кишечника… – пробормотал я. Но ведьма услышала:

– До этого он не додумается, хотя это, пожалуй, самое эффективное. Впрочем, и от него имеется средство.

– Это всё, что он может предложить?

– Да, продолжим. Короче, все четыре стихии могут работать на него: земля, воздух, огонь и вода. То есть: бескрайнее обычное море, огненное море, воздушный океан и земля – от края и до края. Но обычно ограничиваются морем песка. Пустыней то есть. Там встречается одновременное сочетание нескольких факторов: зной, сухость, расстояние…

– Не много ли?

– Что, испугался? Нет, может, чего-то не будет, но лучше ко всему подготовиться. Лучше перестраховаться, чем не застраховаться. Возможна также ледяная пустыня с метелями. Ветер северный, умеренный до сильного. Вроде всё. Может, если пройдёте, ещё что-нибудь подкинет… Джунгли, например. В том числе и каменные, город то есть.

– М-да… – я был ошеломлён. Мне казалось, что нам осталось совсем немного пройти, до драконовой башни. А потом – короткая схватка с драконом, и всё. Но Вика, очевидно, решила подключить что-нибудь вроде «Prehistorik'a». Ну что ж, это радует: жизнь продолжается… продляется то есть – я постоянно помнил об угрозе стирания программы. Memento mori. А пока буду жить да радоваться, если не погибну неожиданно на каком-то из препятствий. Но тут есть надежда на аварийную запись файла, то есть на backup.

Драконовы препятствия… Вот если бы нам встретилось что-нибудь из логических игр, типа «Stounage» или «Ugh!», тогда бы я показал класс!.. Математический склад ума – это вам не мечом махать…

– Было бы проще, если бы убегали вы, – прервала колдунья бахвальные мысли. – Бросил щёточку – лес вырос, бросил камушек – гора, бросил зеркальце – море, бросил…

– А обратный процесс возможен? – перебил я. Испугался, что будет перечислять все природные явления и катаклизмы. – Если препятствия базируются на том же субмолекулярном расширении, значит, возможно и субмолекулярное сжатие?

– Ты представляешь, о чём говоришь? – всплеснула руками колдунья. – Для сжатия необходима специальная аппаратура, ею надо окружить весь лес, всё море, всё болото… Нет, у убегающего всегда преимущества.

– А по-волшебному? – вкрадчиво и провокационно спросил я.

– Всё равно: надо видеть, что творишь. И потом, я же говорила, что чары одного волшебника с трудом перебиваются чарами другого. Тут возможно всякое: захочешь, чтобы лес исчез, а он вдруг станет каменным. Захочешь, чтобы море высохло, а оно скиснет, в кислоту превратится.

– А как же в сказках да фэнтези, когда колдуны да волшебники друг с другом воюют?

– Э-э-э, то специальные боевые волшебства! Вы, рыцари, мечами да копьями сражаетесь, палашами да алебардами… А сеялкой пробовали? – грозно спросила она. – Или токарно-винторезным станком? Так и тут: рабочие заклинания – совсем не то, что заклинания боевые, с ними по-простому не выйдет.

– А-а-а, – протянул я, – ясно. Но что-то подобрать можно? Для компенсации.

– Всё будет зависеть от того, в каком порядке будут встречаться препятствия, – пояснила старуха. – Если дракон дурак, то вывалит всё в кучу, ни с чем не считаясь, а вы, мол, разбирайтесь… Или ошибётся и поставит, скажем, горы перед морем. Тогда вы спокойненько опрокидываете горы в море – и готова дорожка, идите по ней, аки по суху, то есть по мосту. Или море перед огнём: вы сдвигаете море на огонь – и нету ни огня, ни моря.

Я хмыкнул:

– Ловко!

– Годится также, если море будет после огня, – продолжала колдунья, вдохновляясь всё больше, – вы сдвигаете огонь на море, и оно высыхает. Сдвигающему заклинанию я вас обучу, – бабуля увлеклась процессом. – Или огонь возле горы: можно раскалить её, а потом плеснуть морем, она и рассыплется. Физику в школе учил? – строго спросила она.

– Учил, – уныло ответил я, и спросил: – А если будет не в таком порядке?

Старуха задумалась.

– Может быть, clipboard, карман какой-нибудь предусмотреть? – предложил я. – Взял море с собой, потом вылил в огонь. Использовать по необходимости, после того, как перевалишь через гору. Или взял лес, пришёл на берег моря, построил корабль… Или сделать мост через море из леса… А?

– Нет, хуже будет. Тогда придётся помнить, где что находится, да и clipboard таких размеров… – колдунья находилась в замешательстве. Потом спохватилась. – Слушай, а зачем тебе это нужно?

– Что именно? – не понял я.

– Принцесса… Ну, убьёшь ты дракона, спасёшь её, получишь полцарства – и что? А я тебе дело предложить могу…

– Какое? – заинтересовался я.

– А вот какое. Доходишь, к примеру, до леса, выращенного драконом из щётки…

– И что? – не утерпел я. – Это мы проходили!

– Это же неучтённый лес! Ни в одном реестре не значится! Вырубай весь – никто из гринписовцев не прицепится! Ни тебе лесовосстановительных работ, ни рубок ухода. Руби под корень! И продавай по бросовым ценам, разоряй конкурентов. Ни налога за землю платить не нужно, ни арендной платы… Вся прибыль – тебе! Леспромхоз откроешь, обрабатывать древесину начнёшь: сырая-то недорого стоит. Крупным лесопромышленником станешь, уважаемым человеком!

Чём-то она мне напомнила цыганку.

Я задумался. Заманчивая перспектива. Действительно, жених царской дочери – не профессия. А я укорениться хотел…

Колдунья продолжала очаровывать блестящими перспективами:

– Или возьмём море… Вообрази: полностью твоё, частное! Хочешь – купайся, хочешь – рыбу лови, хочешь – радиоактивные отходы затапливай. Полная свобода действий. Опять же, гринписовцы…

– Море с другими морями соединяется. Радиоактивные нельзя, – показал я знание географии. – И как купаться, если радиоактивность? И вдруг холодное?

– А может, не море, а озеро будет?

– Озера мало…

– Ишь какой… – старуха растерялась, потом воспрянула: – А горы! Это же золотая жила – и в прямом, и в переносном смысле. Сколько рудных месторождений, полезных ископаемых, сырья для строительной индустрии! Да на одном граните для памятников состояние сделать можно! Или по-другому: солнце, воздух, снег сверкающий, пейзажи… – она зажмурилась от удовольствия. – Базы отдыха откроешь, санатории, горнолыжные курорты, отели! Горный туризм – самый высокий вид отдыха, – процитировала она. – Полюбоваться на вид в горах приедут массы туристов, – произнесла она тоном экскурсовода и добавила обычным голосом: – Со всего мира народ потянется.

– А огонь?

– Ну-у, огонь! – загорелась колдунья. – Имея море огня, можно открывать металлургическое предприятие! И не только металлургическое, но и химическое, и нефтеперерабатывающее. Да любое! Представь: вечный, неиссякаемый источник тепла и света! В условиях нефтяного кризиса…

– Ну, уж и неиссякаемый? – усомнился я.

– А как же? – удивилась колдунья. – Будь он временный, достаточно дождаться, пока погаснет – и иди дальше. В том-то и дело, что вечный…

– Ничего вечного не бывает, – упрямо проговорил я.

– Бывает, – отрезала колдунья, – места знать надо!

На мгновение она задумалась, потом продолжила рекламу:

– Имея огненное море, можно создать новые, невиданные отрасли бизнеса. Например, производство зажигалок. Представь: крошечный язычок пламени порхает внутри асбестовой коробочки, всегда готовый разжечь вашу сигару, трубку или сигарету…

– Курить вредно, – пробормотал я.

– Рыцари не курят! – добавил вслушивающийся в разговор Юнис. Сэр Жеральд, развалившись на стуле, зевал и смотрел в потолок. По потолку ползла муха. Или паучок. Bugs…

– Ну, костёр разжечь, – проговорила старуха и повернулась к товарищам: – А не заскучали ли вы, рыцари? Мы деловые разговоры ведём, а вы…

Она поднялась с места, сделала несколько шагов к стене, порылась во встроенном шкафу и метнула рыцарям толстенные проспекты: холодного и огнестрельного оружия, лошадей, а также лат – с инкрустацией и без, ещё какие-то…

Доблестные сэры настороженно развернули проспекты, но вскоре послышались их восхищённые восклицания.

А колдунья вернулась ко мне.

– Мало ли где в наши дни применяется открытое пламя! – таким пассажем завершила ведьма рассказ о высокоприбыльном использовании огненного моря.

– А болото? – вспомнил я.

– И болото!.. Лекарственные растения, травы, клюква, торф… Метан собирать можно. Да! Там же нефть бывает! Все основные нефтеносные залежи располагаются под болотами… и пустынями, – предупредила она следующий вопрос.

– А что можно из пустынь выжать? – поинтересовался я.

Колдунья перевела дух. Видно было, она немного подустала. Но продолжила:

– Я не буду говорить о том, что песок – ценный строительный материал, сырьё для железобетонной, автодорожной и стекольной промышленности…

– А если её обводнить? – задал я провокационный вопрос, чтобы сразу исключить описания индустриального использования пустынь. Но колдунья не заметила подвоха и подхватила подсказку, продолжив в развитие темы:

– То можно выращивать по три урожая в год!

– Это сколько воды понадобится! – притворно ужаснулся я, попутно радуясь: она попалась в ловушку. – Опять северные реки к югу поворачивать?

– Не обязательно, – поморщилась Акив. – Можно пробурить глубокие скважины, улавливать атмосферную влагу. В конце концов, устраивать контролируемые осадки!

– А джунгли? – я решил сменить тему: начинало надоедать. Но хотелось выслушать все имеющиеся предложения.

– О-о-о! Это: редчайшие и ценнейшие породы деревьев, экзотические животные… – чувствовалось, что и она начинает выдыхаться. Но всё же выдавила, из последних сил: – Какие фильмы можно снимать! Вспомни Спилберга.

Мне почему-то стало её жалко, и я решил прекратить дальнейшие рекламные излияния:

– Большое спасибо, но в данный момент ничего из предложенного меня не интересует.

– Почему? – искренне удивилась ведьма. – Я предлагаю огромные богатства! Стоит приложить минимум усилий… Кстати, если остановитесь на одном из вариантов, фирма имеет удовольствие предложить любое оборудование и материалы по льготным ценам. Выплаты – с рассрочкой на четыре года!

– Нет, спасибо, – решительно отказался я, – надо выручать принцессу.

Мне показалось, что рыцари за спиной облегченно вздохнули и заскрипели стульями, расслабившись.

– Жаль, очень жаль, – колдунья действительно выглядела разочарованной.

– Но, думаю, – я оттопырил нижнюю губу, – позже мы вернемся к данной проблеме и обсудим ваши предложения…

– Нет уж! – выпалила колдунья. – Наше дело предложить, ваше – отказаться. Не захотел поймать удачу за хвост, когда шла в руки – пеняй на себя. Я два раза не предлагаю!

Со стороны сэра Жеральда и Юниса послышалось лёгкое шевеление. У меня создалось впечатление, что они положили руки на мечи, намереваясь при необходимости прийти на помощь.

«Настоящие друзья!» – мелькнула тёплая мысль.

В последних словах колдуньи заключалось логическое противоречие: нельзя поймать удачу за хвост, если она идёт в руки. Разве что хвост у неё спереди. Но тогда получается, что удача – рак? Теперь понятно, почему она легко уходит от одного и приходит к другому: щёлк хвостом – и в другом месте!

– Хорошо, – процедил я, – вернёмся к первоначальному разговору. Помнится, вы обещали помощь в отыскании дракона?

– Да, – согласилась ведьма и добавила немного непонятно: – Будем считать, что первое испытание ты выдержал…

– И помочь преодолеть все препятствия, что он устроит? – продолжил я, не обращая внимания на последние слова.

– Да, – вздохнула колдунья.

– И вы поможете? – резюмировал я.

– Да, – кивнула старуха. – Давши слово – держись, а не давши – крепись.

– Итак, – я вновь начал пытать её, – что дадите для преодоления дремучего-предремучего леса?

Старуха задумалась, но ненадолго.

– Есть масса способов… – нерешительно сказала она, – могу предложить на выбор…

– Не надо, – быстро сказал я, – беру все. Что за способы?

Старуха вздохнула: ей не хотелось отдавать всё.

– Самый быстрый и эффективный, – начала она, – бензопила «Дружба». Снабженная встроенным левитатором и портативным блоком памяти, она способна в считанные минуты проделать в лесу просеку шириной в три и длиной в триста тридцать три метра…

– За сколько минут? – уточнил я.

– За три минуты, – твёрдо сказала старуха.

Мне ответ не очень понравился: сильно смахивал на периодическую дробь.

– А другие варианты? Они реальные или гипотетические?

– Вполне реальные, – развела она руками. – Биологические средства: толпы бобров, мириады термитов, полчища жуков-древоточцев. Древесина сжирается до корня и даже глубже. Недостаток: работают несколько медленнее, в основном в тёплое время года и не всегда в желательном направлении. Трудно управляемы, могут быть проблемы с утилизацией биомассы…

Я представил копошащуюся массу жуков, сожравших все деревья и ищущих, чем бы ещё поживиться… Меня замутило. Нет, этих брать не будем.

– А огонь? – спросил я.

Старуха скривилась:

– Пока сгорит, пока угли остынут… И неизвестно, куда ветер подует, куда понесёт.

– Хорошо, – вздохнул я, – давайте бензопилу.

Старуха покопалась в стоящей на столе маленькой шкатулке и достала брелок: маленькую бензопилу, окрашенную в красный и синий цвета.

– Такая крохотная? – изумился я.

– Бросишь на землю – вырастет, – пожала плечами старуха, подавая брелок.

К маленькой бензопилочке была пристегнута на цепочке обычная двуручная пила, тоже маленькая.

– «Дружба-два»? – я поднял брови. – А она зачем?

Старуха замялась:

– Ну-у… подарок фирмы: если с бензопилой что-то случится… Для подстраховки.

– Так что, нам вручную пилить придётся? – возмутился я.

– Нет, она будет сама пилить, правда, чуть медленнее.

– А это не та ли самая, какой пользовался Емеля? – спросил я. Имея в виду: не слишком ли устаревшая конструкция?

– Из той же серии, – уклончиво ответила Баба-Яга.

Я понимаю, что называть её так было не совсем корректно, но очень уж ситуация показалась схожей.

– Ладно. Что у вас имеется для преодоления горных хребтов?

Старуха закопошилась в шкатулке.

«Сейчас достанет комплект альпинистского снаряжения, – подумал я. – Трикони, альпенштоки, ледорубы…». Но не угадал.

– Вот, – она протянула миниатюрный отбойный молоток.

– Это что? – я не понял очевидного.

– Отбойный молоток. Для разрушения гор. Подчистую. До подножия.

– А сжатый воздух откуда берётся? – меня заинтересовали технические детали.

– Из окружающей среды, при помощи встроенного компрессора. Воздух засасывается через кольцевой зазор, затем сжимается, – пояснила старуха, обнаруживая неплохие инженерные знания. Не в пример иным менеджерам, которые сами не понимают, что продают. А могла просто сказать: «Не знаю», или «По волшебству!» – и не придерёшься.

Вопросы я задавал с дальним прицелом: желая выявить «люфт» Викиной программы, её возможности, а также степень своей свободы, поскольку просто покопаться в листинге не мог. Пока ограничений не чувствовалось. Все слова шли исключительно от меня, а не как с магнитофонной ленты – когда я представлялся. Ну, хорошо, а как быть с реакцией противоположной стороны? Откуда ответы, грубо говоря?

– Так. Хорошо, я его беру, – согласился я, протягивая руку. – Модель, надеюсь, также с левитатором?

– Разумеется! – обрадовалась старуха. – Набор стандартный: левитатор, блок логики, азимовский ограничитель…

– То есть? – не понял я.

– Три закона роботехники, – пояснила старуха.

– А-а-а, – протянул я, – Помню, помню. Годится.

К отбойному молотку была пристёгнута небольшая кирка.

– Это если атмосфера закончится? – сыронизировал я. Но колдунья не смутилась:

– Комплект предназначен и для безатмосферных планет.

– Понятно, – кивнул я. – Что ещё?

Колдунья вытащила из шкатулки длинную, гибко подрагивающую полупрозрачную трубочку.

– Это защит… в общем, силовой тоннель. Предназначен для огненного моря, но может использоваться и в условиях пустыни, моря, леса… чего угодно. Полная изоляция от внешних условий, кроме входного и выходного отверстий.

– Замечательно. А он один в наличии?

– Да. Видите ли, в инструкции хоть и говорится, что от него можно отрывать кусочки, пропорциональные требуемому размеру, но я бы не рекомендовала, особенно когда не знаешь точной длины препятствия. Если она известна, то в масштабе один к тремстам можете делать всё, что заблагорассудится. Прикиньте длину препятствия плюс десятипроцентный запас, и – пожалуйста.

– Понятно. Ещё что?

На старушку было жалко смотреть: таяли последние запасы волшебных вещей. Но я был неумолим: назвалась груздем – полезай в кузов. В конце концов, она предложила помощь.

– Если что-то не понадобится, мы вернём, – пообещал я.

Колдунья повеселела.

– А ещё вот о чём прошу, – сказала она. – Когда доберётесь до логова и победите дракона, свистните в свисток, – она протянула алмазный свисточек на золотой цепочке. – Мне хочется самолично покопаться в его сокровищницах…

Сэр Жеральд, до того спокойно листавший журналы, поднял голову и насторожился. Даже хотел предупредительным жестом поднять руку – я видел, как та дрогнула.

– …волшебных вещей, – продолжила колдунья.

Сэр Жеральд успокоился и вновь уткнулся в проспект, на этот раз – боевых коней.

– Договорились, – я повесил свисток на шею.

Колдунья повеселела ещё больше.

– Вот это – для пустыни, – и она достала три маленькие верблюжьи фигурки.

Я усмехнулся:

– Корабль пустыни… А лошади на чём поедут? Они же боятся верблюдов…

– Не боятся, а не выносят запаха, – поправила колдунья и добавила, явно намекая на что-то: – А лошадей вы к тому времени уже съедите.

Я приободрился: путешествие предстояло сверхдлинным. Печальный финал оттягивался. Я даже не обратил особого внимания на необходимость съедания коней. Не тронула

меня как-то эта мысль, я посчитал её само собой разумеющейся и не стал уточнять обстоятельства и оспаривать неизбежность – надо, так надо.

Колдунья между тем вытащила фигурки трёх лягушат.

– Для болот? – тревожно догадался я.

Она кивнула.

– И верблюдов к тому времени мы… того?

Она снова кивнула:

– Да вы не огорчайтесь: они очень вкусные. Кстати, знаете, как арабы готовят верблюдов для свадебного угощения?

Я покачал головой и хотел отнести упоминание о свадьбе к разряду провокационных, а заодно отказаться от и верблюдов, но сдержался: дают – бери, бьют – беги.

Старуха между тем смаковала рецепт:

– В брюхо верблюда – выпотрошенного, разумеется – вкладывают барана, брюхо барана набивают гусями, а гусей предварительно фаршируют яблоками. И всё это жарят на вертеле. Очень вкусно получается.

Я кивнул – мол, примем к сведению. У Юниса на свадьбе и приготовим. Что у нас, альтернатив нет? А вот следующий вопрос надо выяснить детально:

– А нас не укачает при бешеной скачке на лягушках?

– Это специальные лягушки, с гидростабилизаторами в трёх плоскостях, – важно пояснила колдунья.

Я понимающе кивнул.

– Лягушек тоже съесть придётся? Гидростабилизатором не подавимся?

– Ну-у, французы едят – и ничего. Весь цивилизованный мир питается устрицами. А стабилизаторы встроенные, органические – умнёте за милую душу!

– А что-нибудь менее съедобное, но более эффективное есть? – спросил я, пряча и фигурки верблюдов и фигурки лягушек. Мало ли что придётся встретить. А насчёт съедания – посмотрим.

Старуха покопалась в шкатулке. Значит, не всё выгребла, есть где ковыряться.

– Вот! – она достала раздвижную пожарную лестницу. – Лестница-чудесница! – провозгласила она. – Пожарные с её помощью чудеса делают.

– Лучше эскалатор, – пробурчал я.

– Эскалатор годится только для подъёма… ну и для спуска, – возразила старуха, – а лестницу можно использовать шире. Например, над морем: бесконечно раздвигаясь, она донесёт вас до любого берега, как бы далеко тот ни оказался.

– Хорошо, я всё беру, – произнёс я, вставая.

– Только одно условие, – остановила меня колдунья.

– Какое?

– В моем лесу бензопилой не пользоваться. А то начнут туда-сюда шастать всякие… по просеке.

– Хорошо. А лес скоро кончится?

– Я покажу короткую тропинку.

Мы вышли из избушки. Кони приветствовали нас радостным ржанием. Овса в колоде не осталось, а бока их ощутимо раздулись. Захотят ли они тащить ещё и нас? Впрочем, по лесу мы быстро не поедем, так что успеют растрясти съеденное.

Следуя указанному направлению, мы продирались по узкой тропинке, почесывая бока коней о торчащие ветки. Пока им это нравилось. Потом моя лошадь – я ехал первым – шарахнулась в сторону, а мне в спину уперлось копьё сэра Жеральда: он держал его наперевес. Ощущение было не из приятных, невзирая на кольчугу.

Из кустов высунулась морда доброго медведя. Нет, я бы не узнал его, но он тихо спросил:

– Это я, не узнаёте?

– Почему нет, узнал, – сначала я соврал, а потом вспомнил.

– Я хотел спросить…

Я развёл руками:

– Извини, пока не получается. Не эта колдунья тебя заколдовала, поэтому расколдовать не может. Но я буду пытать всех встречных колдунов и найду того, кто это сделал. Слово рыцаря!

– Спасибо, – тихо произнёс добрый медведь. – Удачи вам!

Мы проехали мимо. Я оглянулся. Медведь стоял на тропинке, глядя нам вслед и махая лапой.

Под дождём

Выехав из леса, мы оказались на опушке, которую резко очерчивала река.

Ещё когда мы преодолевали последние метры зарослей, и сквозь ветки блеснула водная гладь, у меня ёкнуло сердце.

«Начинается! – подумал я. – Бросил дракон ленточку – появилась река».

Но то оказалась обычная река, естественная, и на непреодолимую преграду она не тянула. Либо ленточка у дракона была очень узкой.

Мы перешли речку вброд, и лишь в одном месте копыта лошадей на мгновение оторвались от дна и они немного проплыли.

Выбравшись на берег, мы продолжили движение по путеводному следу из капель драконовой крови.

Кони шли скоро, равномерно встряхивая гривами. Тут бы и поговорить, но говорить не хотелось: каждый вдыхал полной грудью чистый воздух, напоенный ароматом полевых трав, что после глуши колдовского леса принималось особенно приятно.

Наверное, это был единственный момент в путешествии, когда я отдохнул. Нет, мы продолжали выискивать следы, остерегались врагов – непонятно, правда, каких: кроме дракона других пока не было. Но так ласково светило солнце, такая тишина разливалась вокруг, что я отдыхал всей душой.

Тишина прерывалась лишь стрекотанием кузнечиков: один из них, вспугнутый конём Юниса, приземлился на гриву моего. Идиллия стояла полнейшая, что было особенно необходимо после напряжённой беседы с колдуньей Акив. Всё мы взяли из того, что пригодится в будущем? Или что-то упустили?

Я перебрал по памяти все предметы: три верблюжонка, три лягушонка, лестница-чудесница, туннель сквозь пламя, бензопила, отбойный молоток… и алмазный свисток. Всего семь. Больше она, наверное, и не дала бы: магическое число. Я усмехнулся: свисток можно не брать в счёт – нам от него никакой пользы.

«Мало взяли, надо было ещё что-нибудь захватить, – подумал я, глядя на клубящиеся на горизонте чёрные тучи. – Так вот почему кузнечики стрекотали!»

– Дождь будет, – произнёс сэр Жеральд, указывая на тучу.

– Настоящий или колдовской? – поинтересовался Юнис.

– Настоящий, вон кузнечики как стрекочут, – успокоил его сэр Жеральд.

– А кузнечикам разве не всё равно, перед каким дождём стрекотать, настоящим или колдовским? – сказал я. – Они же реагируют на изменение погодных условий… – и в меня незамедлительно закралось сомнение. Вот что значит быть городским жителем и плохо знать народные приметы. Последнее я отнес как к себе, так и к Вике.

Сейчас мне стало казаться, что кузнечики, наоборот, замолкают перед бурей и грозой: что-то у них намокает от повышения влажности воздуха и перестаёт стрекотать. Но быть уверенным я не мог. Сэр Жеральд утверждает, что это так, но сэр Жеральд – такое же порождение Викиной фантазии, как и Юнис… да и я сам, в общем-то.

И я ещё раз подумал, что знание – сила. Знай я приметы погоды – мог бы поймать Вику на первом же несоответствии! Правда, не знаю, что бы это дало. Не лучше ли привыкать к окружающему, если не получается его изменить?

Следом пришла в голову другая мысль: виртуальный мир тем и хорош, что его можно построить на базе собственного воображения и личной глупости. Можно взять за основу любое представление об окружающем мире, даже самое нелепое, вплоть до размещения Земли на спинах трёх китов или слонов – кому что нравится. Захотелось, чтобы кузнечики стрекотали перед дождём – пожалуйста, захотелось, чтобы коровы летали – пожа…

На левое плечо что-то увесисто капнуло. Я с опаской скосил глаза, а потом перевёл взгляд в небо, опасаясь увидеть летящую корову…

Но нет: на наплечнике расплывалось водяное пятно. Небеса всё больше затягивало чёрными тучами. Дождь. Обычный, или?..

Прищурившись, я принялся разглядывать клубящиеся тучи, стараясь увидеть… Что? Крыло дракона? Отблески когтей? Но увидел огромные, медленно падающие дождевые капли – раз в сто больше той, что шлёпнула по плечу.

Ого! Ну и капельки здесь! Мешки воды! Цистерны!

Я ворвался в каплю – или она врезалась в меня – и чуть не захлебнулся. Вот что следовало просить у колдуньи – зонт! Или балдахин. Каждому!

Мы попытались лавировать между каплями, но, удачно объехав одну, тут же напарывались на вторую.

Кое-кто в подобной ситуации рекомендует спрятаться под брюхом коня. Но, во-первых, советчик не попадал под ТАКОЙ дождь, а, во-вторых, мы жалели коней. А им и под нами было ничуть не легче: всадник – слабая защита от дождя. Кони отфыркивались и отплёвывались вместе с нами.

Может, это обещанное море? Сбросил дракон зеркальце, а оно ударилось о плотные слои атмосферы и разбилось. И упало огромными каплями. Но солёной вода не была. А бывают пресные моря? Или из зеркальца получается не море, а озеро? А может… плохо я знаю физиологию драконов, а то предположил бы, что они могут обойтись и без зеркальца. Собралась свора сородичей…

Нет, это фантазия – обыкновенный дождь, только масштабы не выдержаны. Может, у Вики что-то с компьютером? Или она импровизирует на ходу? Придумывает, а отладить не успевает. Или специально такой дождь запрограммировала? А может, она плачет, и слёзы стекают на клавиатуру… Тьфу!

Земля не успевала впитывать падающую влагу. Вода пошла поверх травы. Копыта коней начали скользить на водяной плёнке на поверхности. Кони уподобились жукам-водомеркам.

Вода продолжала прибывать. Я лихорадочно думал, чем из колдуньиных вещей воспользоваться. Силовой трубкой? А что делать, когда встретится огненное море? Лягушками? А куда деть лошадей? Лестницей-чудесницей – вылезти за облака?

А потом разозлился на себя: что мы за рыцари, если паршивого волшебного дождика испугались? А если не волшебного, тогда просто паршивого.

Капли продолжали падать, взрываясь тяжёлыми фонтанами. Сэр Жеральд соскочил с коня и повёл в поводу. Мы последовали его примеру, хотя вряд ли это было лучшим выходом: вода доходила почти до колен. Но очень хотелось помочь лошадям, жалко было смотреть, как они скользят и чуть не падают.

– Надо выбираться повыше! – прокричал сэр Жеральд, перебивая шум дождя. – Впереди какой-то курган!

И повёл нас за собой.

Я опасался за сохранность съестных припасов, но заметил, что на крупах коней и на перемётных сумах вода не задерживается, и успокоился. Зато мы стали мокры, словно мыши.

Я брёл, не поднимая головы, глядя под ноги, и лишь изредка взглядывал на спину сэра Жеральда.

И увидел непонятное: с водой что-то происходило. Она перестала нестись сплошным слоем, а заструилась отдельными потоками, между которыми проглядывала земля. Отдельные струи воды покрывали землю, словно сетью. И брызги от капель оставались лежать сплющенными шарами разного размера.

Мы раздвигали шары, и шли как по стойкой мыльной пене или же по мелким стеклянным шарикам. Они слипались между собой, образуя сложные лабиринты, но мы шли по прямой,

иногда перешагивая через стенки из капель, а иногда поддавая ногой, и тогда капли лопались, разбивались на более мелкие.

Я заметил ещё кое-что: отражения в каждой капле. Они неуловимо отличались друг от друга – несмотря на то, что находились рядом. В подобном явлении нет ничего удивительного, его можно объяснить множеством факторов: разная кривизна капель, другой угол падения света, движение, и всё же… Один «я» не был похож на другого, сэр Жеральд не был похож на себя, а Юнис вообще не был похож ни на кого! А в некоторых каплях отражались совсем другие люди!

Зрелище было эффектным, но скоро исчезло: мы всходили на курган, уровень воды падал, водяные шары не удерживались на склоне и скатывались, накапливаясь у подножия гребнями и валами.

И я подумал, что в этом дожде заключены тысячи дождей и тысячи людей, когда-либо попадавших под дождь. Но, кроме меня, никто этого не заметил: сэр Жеральд смотрел прямо перед собой, а Юнис вертел головой в разные стороны.

На вершине холма мы остановились, глядя на затопленную равнину. Стоять здесь было не в пример веселее.

Меня удивило, что не разразилась гроза, хотя, судя по цвету и густоте туч, в них пряталась не одна сотня молний. Но ни одна не выскочила наружу, разорвав туман пространства.

И ветер стих, что тоже радовало. Если бы дождь был с грозой и ветром, представить страшно, что бы творилось вокруг. Но, как ни печально признавать, дождь и без грозы сильно навредил нам: следы драконовой крови неминуемо растворились и исчезли в необычном ливне. И мне стало казаться, что дракон всё-таки приложил к ливню свою грязную когтистую лапу.

Дождь, выполнив чёрную задачу, утихал: капли сильно уменьшились и падали всё реже и реже. Сэр Жеральд отбил кулаком последнюю, летящую на него, и она, трепыхаясь, упала к подножию холма, где затерялась в куче себе подобных.

Проглянуло солнце. И сразу под пологом удаляющихся чёрных туч заиграли радуги! И не одна, а тысячи! Потоки разноцветных сияний, переплетаясь, расходились из разных точек, рисуя переливающиеся круги, воронки, полотнища, создавая невообразимое зрелище. И всё дополнялось мириадами сверкающих искорок – точь-в-точь блики света на поверхности моря.

– Потрясающе! – проговорил сэр Жеральд. Мы с Юнисом тоже смотрели, широко раскрыв глаза. Чем-то мне зрелище напомнило… но я позабыл точное название программы, да и много перевидал подобных. Даже сам занимался написанием, на ранних этапах программотворчества. Но здесь всё выглядело более впечатляющим, чем на экране монитора. Вид изнутри – всегда не то, что со стороны.

Когда отполыхали последние вспышки зарниц, мы осмотрелись. Надо же было определить, где находимся. И почти одновременно заметили торчащую из-за горизонта башню замка…

В замке

– Вот она! – завопил Юнис, указывая рукой.

– Возможно, – согласился я, – но надо подождать, пока сойдёт вода. Надо немного обсохнуть. Хорошие мы бойцы: мокрые курицы!

– Да там воды почти нет! – загорячился Юнис, и я подумал, что уж он-то высохнет раньше всех, от внутреннего жара.

Собственно, особой усталости мы не чувствовали: успели отдохнуть, пока любовались на игру радуг. Да и солнышко пригревало жарко, и до замка оставалось довольно далеко – если это замок дракона. Так что высохнуть можно и в пути.

Мы потихоньку спустились с холма и двинулись к башне, ведя коней в поводу, чтобы не перегружать до схватки. Во время дождя им и так досталось.

Башня исчезла за горизонтом, едва мы спустились с холма, ориентир был утерян. Поэтому мы шли, поглядывая на солнце, чтобы не сбиться с направления.

Но нам повезло: скоро отыскалась тропка, и не пришлось проламываться сквозь кусты, пугая засевших птиц и зверей. Хотя одного зайца всё же спугнули. Он залёг на днёвку в кустах возле дороги, и его разбудило копыто лошади сэра Жеральда, стукнувшее рядом.

Заяц шарахнулся от нас, не разбирая дороги.

Сэр Жеральд проводил его печальными глазами и вздохнул. Видно было, что в иной ситуации он вскочил бы на коня и с гиканьем и свистом помчался бы вслед.

Идти, на удивление, пришлось совсем недолго. То ли Вика применила увеличенный скроллинг экрана, то ли какое-нибудь аппаратное ускорение, то ли что-то ещё. А может, путь показался коротким.

Миновав лощинку, перелесок и два поля, мы вышли к фруктовому саду, за которым сначала зачернели каменные стены замка, а затем преградил дорогу полузасыпанный ров. Водой в нём и не пахло.

Мы переглянулись.

– Не хитрость ли это драконова? – вопросил Юнис.

Никогда не любил риторические вопросы. Те более что на хитрость похоже не было. Похоже было на заброшенный замок: башня торчала обломанным зубом, таковыми же выглядели и зубцы на стенах. Кариес напал на замок, кариозные монстры.

Однако крупных проломов в стенах не замечалось – во всяком случае, в ближайшей. Подъёмный мост валялся во рву, выглядя абсолютно неподъёмным; решётка на воротах ощерилась сломанными прутьями.

Замок смотрелся покинутым, и являлся таковым.

– Не дракон ли его разрушил? – продолжал задавать вопросы Юнис.

– Скорее, дедушка нашего дракона, – заметил я. – Или бабушка, рассердившись на дедушку.

Сэр Жеральд, тронув поводья, направил коня вокруг замка. Мы молча последовали за ним.

Объехав замок по периметру, и убедившись, что враги нигде не скрываются, а стая драконов не поджидает нас под кровлей – ввиду отсутствия последней, – мы въехали во внутренний двор.

Тут тоже царил беспорядок: стояла, покосившись, телега без одного колеса (оно лежало рядом), направив оглоблю вверх, словно тыча пальцем в небо, и на ней сидела ворона, тяжело снявшаяся с места при нашем появлении. Валялись битые горшки, рваные тряпки и охапки полусгнившей соломы.

Ни искалеченных скелетов, ни сломанных копий и треснувших стрел, которые бы говорили о кровопролитном сражении, нигде не было. Вероятно, до сражения дело не дошло, ограничились бегством.

Не повстречалось нам и крыс, даже когда мы вошли внутрь замка. Это тоже о чём-то говорило, но вот о чём – я не смог понять.

Кони не прядали ушами и не всхрапывали, а остались спокойно щипать травку, изрядно покрывшую свободное пространство двора. То есть невидимой опасности они не чуяли, как мы не замечали видимой. Следовательно, ни одной не имелось.

Большой зал встретил нас грудами мусора на полу, осыпавшейся штукатуркой, выбитыми окнами и небрежно лежащими повсюду сломанными стульями и скамьями.

Две винтовые лестницы в противоположных углах ощетинились расщеплёнными ступеньками.

Странно, а я всегда думал, что винтовые лестницы скрываются в толщах стен… Ах, да, откуда же Вике знать это! Хотя… по рыцарским романам должна помнить. Или она не читала ни «Айвенго», ни «Квентина Дорварда», не говоря о «Роб Рое»? Темнота!

Острые обломки большого пиршественного стола лежали у стены кусками двухдюймовых досок. Над ними тускло блестела бронзовая табличка. Она выглядела эталоном целостности среди царящей в замке разрухи.

«Наверное, на ней написано что-то вроде: «Тут славно погулял барон Бузотерский», – подумал я, подходя поближе. Но меня опередил сэр Жеральд.

– Гм, смотрите, – произнёс он, разглядывая табличку, – здесь написано: «Карта окрестных земель», и стрелка указывает вниз.

– Чтобы не перепутали, – пробормотал я. – Вдруг кто подумает, что карта на стенах, а там штукатурка осыпалась…

– Неплохо бы взглянуть на карту, – сэр Жеральд испытующе посмотрел на меня, – я совсем не знаю здешних мест. За колдовским лесом не бывал никто…

– Придётся расчищать, – согласился я.

– Всё? – ужаснулся Юнис.

– Посмотрим. Если удастся обойтись половиной… – и я махнул рукой. – Всё, конечно.

– Ясно, – вздохнул Юнис. – А чем? Ничего же нету: ни лопат, ни мётл… или метлов?

– Достаточно одной метлы, – прервал я филологические эксперименты. – Пойди и поищи.

Я не сомневался, что скоро он принесёт пару совковых лопат и великолепную щётку: неужели Вика не предусмотрела поблизости уютный дворницкий чуланчик, в котором и хранится это богатство?

Юнис вышел, сэр Жеральд полез на второй этаж, цепляясь за сломанную винтовую лестницу, а я подошёл к бронзовой табличке и попытался разобрать, что на ней написано. Бесполезно!

Табличка показалась изъеденной коррозией, даже стрелку в направлении пола я не разглядел. Кто делает карту на полу трапезной, где её неминуемо заставят столами и стульями? Из снобизма: я попираю окрестные земли? Ну, допустим. Но буквы где? Что читал сэр Жеральд, эти закорючки?

Повторялась ситуация с лоскутом, но и письмена на лоскуте, насколько мне помнится, не имели ничего общего с письменами на табличке. Что же такое? Или там – рукописные буквы, а здесь – печатные? А где они? Надо спросить сэра Жеральда, поговорить начистоту.

И вдруг ледяная мысль пронзила меня насквозь – будто в подземелье замка открылась осклизлая дверь, и оттуда выбрался могильный холод, охвативший ознобом: а вдруг мои мысли о Вике – бред сумасшедшего? А я в самом деле рыцарь Серж-Леон, граф де Альгвазил? Изгнали меня из родного поместья враги, вот я и повредился рассудком, разучился читать и писать… если вообще умел. В самом деле: неужели Вика не могла написать по-русски? Или,

на худой конец, по-английски? Ведь закорючки совсем нечитаемые! Как программа воспринимает незнакомый алфавит?

«Но сумасшедшие вроде не осознают, что они сумасшедшие? – я робко попытался успокоить себя. – Может, я ещё не совсем?»

Вошёл Юнис и прервал мои дикие мысли.

Потом додумаю как-нибудь. Что он говорит? Ничего не нашёл? Странно…

– Тогда срежь пару кустов и свяжи веник, – сказал я и спохватился: не надо было этого говорить. Может, если поискать как следует, дворницкая всё же отыщется? А то Вика услышит и не станет «подбрасывать» лопаты. И тогда я не пойму: в программе я, или без памяти? Вика… Какая вика? О чем я? Вика – это бобовое растение, конь мой его ест…

– Лопат тоже нет, – развёл руками Юнис.

– А зачем лопаты – досками от стола будем работать. Рыцари мы или нет? Голь на выдумки хитра.

С улицы неожиданно вошёл сэр Жеральд, держа в руках кусок пергамента. Очевидно, спустился где-то в другом месте.

– Там, наверху, – мотнул он головой, – была библиотека, или что-то вроде. Книги погрызены мышами… в основном. Я нашёл вот это, – он встряхнул пергаментом, – и свинцовый карандаш. Когда расчистим карту, надо перерисовать.

Я кивнул:

– Начнем от окон, чтобы не ходить по завалам. Будем выбрасывать мусор наружу. Сначала крупный, а потом всё остальное.

Работа закипела. Стулья и ненужные обломки стола мы вышвырнули быстро, оставив три самые широкие и крепкие доски, остро обломанные с одной стороны – они легче вонзались в кучи мусора.

Кучи-то мы убрали, но пол продолжал скрываться под тонким слоем песка и пыли. Мозаичная карта проглядывала в разных местах, если как следует шоркнуть ногой.

– Придётся мыть, – растерянно сказал Юнис. Ну, ещё бы! Слуг здесь нет.

– Во дворе колодец, – заметил сэр Жеральд, – с бадьёй. Глубокий, но вода вкусная.

– Замечательно! – кивнул я. – Вкусной водой намного приятнее мыть полы.

Из валявшихся во дворе горшков мы отобрали наименее дырявые, наполнили водой и, пустив в ход подобранные попутно тряпки, тщательно вымыли пол.

Он заблистал первозданным блеском, обнажая нежно-салатный цвет лугов, тёмно-зелёный – лесов, синий – рек и озёр, жёлтый – дорог, коричневый – гор… И красный пунктир, пересекающий всю карту, из угла в угол.

– Это что, постоянный маршрут драконов? – мрачно пошутил сэр Жеральд. – Или река вытекшей из них крови?

– Это маршрут рейсовых драконов, – поправил я его, – а кружочки – места остановок.

– Нет, – более приземлённо возразил Юнис, – это, наверное, граница между двумя соседними владениями, а кружки – точки изменения направления границы. Сторожевые башни, может быть.

Доля смысла в его словах имелась, но другая деталь сильнее привлекла моё внимание: все замки на карте были выкрашены в белый цвет, а тот, в котором находились мы (он выглядел крупнее всех) – в оранжевый.

– Жаль, что у карты нет легенды, – заметил я.

– А что такое легенда карты? – спросил Юнис. – Я знаю легенды о былых временах, а легенд о картах не слыхал…

– Позже расскажешь свои легенды, – остановил я его, – а в картографии легендой называется совокупность условных значков и их словесное описание.

– А-а-а, – протянул Юнис, – понял.

– А если понял, скажи, почему замки разноцветные? – потребовал я.

– Золотой замок – сюзерена, – предположил Юнис. – А серебряные – вассалы!

Что ж, и это походило на правду. Не думать же, что оранжевый цвет – цвет пламени, потому что замок разрушенный, сгоревший. Но следов-то пожара не видно! Выходит, его разрушенным построили? Нет смысла. И если сюзерен побежден, что будет с вассалами? А почему замок разрушен? Один вассал восстал? Или все вассалы восстали?

Пока я размышлял, сэр Жеральд ходил по залу, зарисовывая карту и бормоча:

– Левония… Правония… Центрония… Нет, на границу между владениями линия не похожа, разве гипотетическую. Вон сколько разных владений: Северония, Югония, Западония, Востокия…

«Опять семь!» – подумалось мне.

– Вот, – сказал сэр Жеральд, подавая лист пергамента с картой, – я срисовал её!

Я взглянул на лист. Юнис заглядывал сбоку.

Сэр Жеральд постарался. Он даже раскрасил карту – не пойму, как ухитрился однотонным свинцовым карандашом? Но то, что на листе пергамента была точная копия мозаичной карты с пола, не вызывало сомнения.

Судя по карте, мы находились в нижнем левом углу. Позади, по нижней границе, струилась речка, которую мы не так давно пересекли, а впереди расстилалась целая страна: поля, леса, замки, дороги… По верхнему обрезу листа проходила цепь гор.

Всё было разбросано в живописном беспорядке, как и на любой карте, но мне показалось, однако, что картинка на что-то смахивает. Какая-то аналогия просматривалась… Что-то знакомое виделось в извивах рек, пятнах полей и лугов.

Я поворачивал карту и так, и этак, то отдаляя, то приближая к глазам. И вдруг замер. Мне показалось, что… Да нет, этого не может быть! А почему не может? Если я впрямь сумасшедший. Или если Вика существует и умеет столь изощрённо издеваться. Да нет, это на Вику не похоже. Она ни при чём, всё подстроил дракон: и разрушил замок, и нарисовал карту. Но когда успел?

Карта напомнила мне…

Да, так и есть, сомневаться не приходилось: карта напоминала фигу дракона, заполняющую экран телевизора-тарелочки!

– Что такое? – переполошился Юнис, глядя на моё побледневшее лицо. Но не мог же я признаться!

– Где-то я видел эту местность. Должно быть, в вещем сне, – соврал я, возвращая карту сэру Жеральду. – Надо снять парочку копий. Пусть будет у каждого.

Сам я понимал, что пожелание моё абсурдно: я запомнил карту в момент. Но по логике событий оно представлялось разумным, и потому сэр Жеральд повёл Юниса в библиотеку, на поиски пергамента. Я, сославшись на желание запастись свежей водой в дорогу, вышел во двор и принялся крутить ручку ворота, тупо глядя в глубину колодца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.